

Именно такой
и должна быть фэнтези...
Книги Робин Хобб —
алмазы в залежах
цирков.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Королевский
убийца

САГА
О ВИДЯЩИХ
Книги 1 и 2

РОБИН ХОББ

Робин Хобб
Ученик убийцы. Королевский
убийца (сборник)

Серия «Мир Элдерлингов», книга 1

Серия «Мир Элдерлингов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/22498825>

Ученик убийцы ; Королевский убийца : романы / Робин Хобб: Азбука,

Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-389-12653-4

Аннотация

<р>Фитц – незаконнорожденный сын наследного принца. Воспитанный слугами, он вырос в темных коридорах королевского замка, не зная ни почета, ни славы. Его ждала дорога убийцы, верно и преданно исполняющего приказы своего короля, а также участь человека, способного своими, может, не очень значительными поступками сдвигать мировые колеса и приводить в движение силы, недоступные пониманию простых людей... Но на то он и Фитц Чивэл Видящий!</р>

Содержание

Ученик убийцы	6
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	71
Глава 4	102
Глава 5	129
Глава 6	157
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Робин Хобб
Ученик убийцы.
Королевский
убийца (сборник)

Robin Hobb

ASSASSIN'S APPRENTICE

Copyright © 1995 by Robin Hobb

ROYAL ASSASSIN

Copyright © 1996 by Robin Hobb

All rights reserved

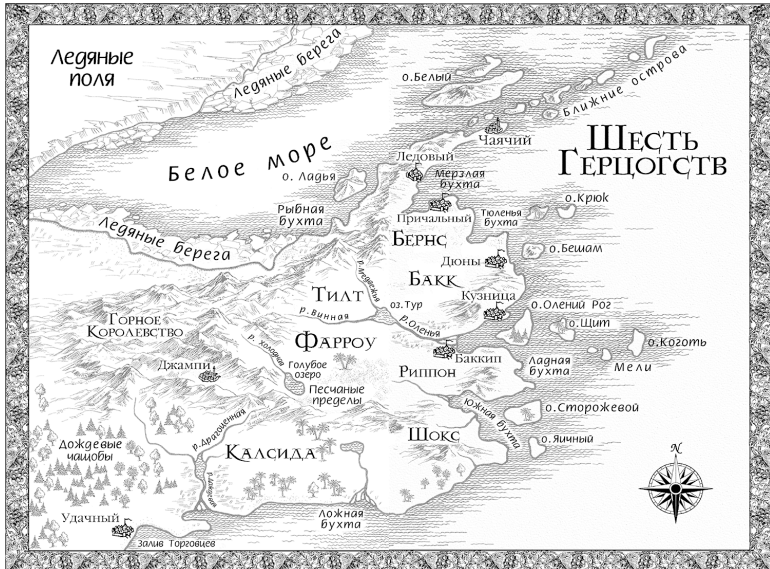
© М. Юнгер, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Ученик убийцы

Его, в чьих жилах течет королевская кровь, ждала дорога убийцы, преданно исполняющего чужие приказы...

Глава 1 Предыстория

История Шести Герцогств неразрывно связана с историей правящей династии Видящих. Повествование об этой семье следовало бы начать с времен стародавних, задолго до основания Первого герцогства. Если бы до нас дошли имена дальних предков наших королей, мы знали бы, как звали тех пиратов, что совершали разбойничьи набеги и грабили побережье, где земли были не столь бесплодными и неприветливыми, как обледенелые скалы их родины – Внешних островов. Но история не сохранила их имен.

Что же до первого настоящего короля, то и о нем известно не много – только как его звали и несколько странных легенд. Тэйкер Завоеватель – таково было его имя. Возможно, именно от него пошла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры.

В народе верят, что эти имена присваиваются новорожденным посредством магического обряда и после этого королевские отпрыски не в силах изменить уготованную им стезю. От роду детям-избранникам предначертано не бояться ни огня, ни воды, ни студеного ветра. Так говорят. Красивая сказка.

Возможно, когда-то и впрямь при наречении отправляли магические обряды. Но достаточно заглянуть в исторические хроники, чтобы понять: имя, данное при рождении, далеко не всегда определяет всю дальнейшую судьбу человека.

Мое перо дрожит, потом выпадает из рук, оставляя извилистый след на бумаге Федврена. Испорчен еще один драгоценный лист. Впрочем, наверное, эта попытка все равно была обречена на провал, как все предыдущие. Не знаю, смогу ли я закончить свой труд или каждая страница будет пропитана жгучей горечью, ядом, который, как мне казалось, давно выветрился. Я полагал, что излечился от гнева и ненависти, но стоит мне взяться за перо, как боль и обида мальчика сочатся на бумагу вместе с чернилами, пока мне не начинает казаться, что каждая аккуратная черная буква берedit старую незаживающую рану.

И Федврен, и Пейшенс весьма воодушевились идеей написания истории Шести Герцогств. Было решено, что попробовать стоит, попытка не пытка, лишь бы у меня хватило сил. Работа отвлечет меня, поможет занять время, и я забуду о горечи и боли. Я позволил убедить себя, что так оно и будет.

Но каждое историческое событие, которого я касаюсь в своей рукописи, только пробуждает к жизни мрачные тени моего одиночества и потерь. Боюсь, мне придется отложить эту работу, иначе она воскресит все то, что сделало меня тем, кто я есть теперь. Я начинаю снова и снова, но каждый раз обнаруживаю, что пишу скорее о собственных истоках, чем об истоках этой земли. Не знаю даже, кому я пытаюсь объяснить себя. Моя жизнь была паутиной тайн, тайн, которые даже сейчас небезопасно поверять бумаге. Стоит ли писать о них только для того, чтобы превратить в пламя и пепел? Кто знает...

Я помню себя с шести лет. До этого не было ничего – только пропасть, которую я не могу преодолеть, как бы сильно ни напрягал память. Ранее того дня в Мунсее нет ничего. Зато все, что происходило потом, я помню с удивительной отчетливостью. Иногда мои воспоминания настолько подробны, что я даже начинаю задумываться, мне ли они принадлежат. Были ли все эти события запечатлены в моей собственной памяти или же картины прошлого складываются у меня из рассказов кухонной прислуги и несметного множества мальчишек-грумов, объяснявших друг другу мое появление? Возможно, я слышал эту историю так часто и из стольких источников, что теперь вызываю ее в памяти как собственные воспоминания? Может быть, эти подробности – результат открытого восприятия шестилетнего мальчугана? Или это шутит со мной яркое покрывало Силы и снадобий,

которые приходится принимать, чтобы контролировать свою привычку к ней, – снадобий, которые сами по себе вызывают боль и привыкание? Все может быть. Остается надеяться, что дело все-таки не в снадобьях.

Воспоминание столь яркое, что я будто снова вижу и чувствую все это: холодные сумерки уходящего дня, безжалостный дождь, под которым я вымок до нитки, ледяной булыжник причудливых городских улиц и даже мозолистую грубость огромной руки, сжимающей мою ладонь. Иногда я думаю об этой руке. Она была твердая и шершавая и крепко стискивала мою ладонь, и все же она казалась мне теплой и незлой. Просто сильной. Она не давала мне упасть, когда я поскользнулся на обледеневших улицах, но не давала и избежать уготованной участи. Она была беспощадной, как холодный серый дождь, покрывавший ледяной глазурью исхоженную, засыпанную гравием дорожку перед огромной деревянной дверью массивного здания, которое возвышалось в центре города, как настоящая крепость.

Двери были высокие – даже для взрослого, не говоря о шестилетнем мальчике. Великан мог бы войти в них, не нагибаясь, а широкоплечий крепыш, который башней возвышался рядом со мной, казался на пороге этих дверей просто карликом. И мне, шестилетнему, они были удивительны, хотя я и не помню, как выглядели двери, которые были привычными для меня в раннем, забытом ныне детстве. Деревянные резные двери, обитые железом, украшенные головой оленя и

сверкающим дверным молотком, не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Я вспоминаю, что одежда моя промокла, а ноги превратились в ледышки. И тем не менее я не помню ни того, как долго шел по размокшей слякоти уходящей зимы, ни того, что меня несли на руках. Нет. Все начинается здесь, на пороге каменного укрепленного дома: мы стоим на крыльце, и моя маленькая рука крепко стиснута в ладони высокого человека.

Почти как начало кукольного представления. Да, именно так это видится мне. Занавес поднялся, и мы оказались перед огромной дверью. Старик, что держал меня за руку, поднял медный молоток и обрушил его на железную пластину – один удар, второй, третий. Металл откликнулся гулким звоном. И потом раздался голос – не из дверей, а сзади, там, откуда мы пришли.

– Отец, прошу тебя... – молила женщина.

Я обернулся, чтобы посмотреть на говорящую, но снова пошел снег, кружевной завесой он цеплялся к ресницам и укутывал рукава. Не могу вспомнить, разглядел ли я кого-нибудь, но уверен, что не пытался вырваться от этого старика и не звал мать. Я просто стоял и смотрел, словно зритель на кукольном представлении, и слышал стук сапог в доме и скрип отодвигаемого засова.

Она предприняла еще одну, последнюю, попытку. Я до сих пор отчетливо слышу ее слова и отчаяние в голосе, который теперь показался бы мне молодым.

– Отец, пожалуйста, умоляю тебя!

Рука, державшая меня, задрожала – от ярости или от чего-то другого, я этого никогда не узнаю. С быстротой, с какой черный ворон хватается ломоть упавшего хлеба, старик наклонился и поднял кусок грязного льда. Не говоря ни слова, он с яростью швырнул его в темноту, и я съежился от страха. Я не помню ни крика, ни звука удара. В моей памяти осталось лишь то, как двери распахнулись наружу и старик поспешно отступил, волоча меня за собой.

И это все. Человек, открывший дверь, не был слугой, как я мог бы вообразить, если бы слышал эту историю из чужих уст. Нет, моя память сохранила не какого-то вышколенного слугу, а солдата, старого кавалериста, слегка поседевшего и с животом, затвердевшим скорее от жира, чем от большого количества натренированных мышц. Он оглядел нас с ног до головы с привычной солдатской подозрительностью и молча стоял, ожидая, что мы изложим наше дело.

Думаю, старик немного растерялся от такого приема, но вместо страха в нем вдруг вспыхнула злоба. Он бросил мою руку, схватил меня за шиворот и протянул вперед, как щенка, которого предлагают новому владельцу.

– Я принес мальчишку вам, – прохрипел он.

Привратник продолжал молча смотреть на него, не выказывая ни осуждения, ни даже интереса, и старик продолжал:

– Шесть лет кормил его как родного и не получил от его отца ни слова благодарности, ни одной монетки. Он даже ни

разу не навел на нас, хотя моя дочь обмолвилась – он знает, что сделал этого ублюдка. Я не желаю больше кормить мальчишку и гнуть спину за плугом, чтобы наскрести ему на одежку. Пусть его кормит тот, кто его сделал. У меня хватает своих забот, моя жена стареет, да еще я должен содержать и кормить мамашу вот этого. Потому что ни один мужчина ее не захочет, ни один – когда за подол ее цепляется этот щенок. Так что забирайте его и отдайте отцу.

И он выпустил меня так внезапно, что я упал и растянулся на каменной ступеньке у ног стражника. Я сел, потому что, насколько помню, не очень сильно ушибся, и поднял глаза, чтобы посмотреть, что произойдет дальше между этими двумя людьми. Стражник поджал губы, глянул вниз – не осуждая, а просто соображая, как со мной быть.

– Так чей он? – спросил он, и чувствовалось, что этот вопрос задается не из любопытства, а для того чтобы выяснить, в чем дело, а потом доложить хозяину.

– Чивэла, – сказал старик. Он повернулся ко мне спиной и размеренным шагом двинулся прочь по покрытой гравием дорожке. – Принца Чивэла. – И, не оглядываясь, добавил: – Того, который как раз и есть будущий король. Который его сделал. Пусть заботится о нем да радуется, что умудрился хоть где-то зачать ребенка.

Стражник проводил старика взглядом, потом, не сказав ни слова, наклонился, схватил меня за воротник и оттащил в сторону, чтобы я не мешал ему закрыть дверь. Он отпустил

меня на то недолгое время, которое ему потребовалось, чтобы задвинуть засов. Сделав это, он остановился, глядя на меня сверху вниз. Никакого удивления, только солдатская готовность принимать все, даже самые странные стороны своей работы.

– Поднимайся, парень, и пойдем со мной, – сказал он.

И я пошел за ним по темному коридору мимо скудно обставленных комнат, окна которых все еще были защищены ставнями от зимнего холода, к еще одним закрытым дверям из роскошного дерева, украшенным резьбой. Тут он остановился и быстро оправил одежду. Ясно помню, как он встал на одно колено, чтобы одернуть мою рубашку и пригладить мне волосы, но сделал он это по доброте душевной или просто хотел привести доверенную ему посылку в надлежащий вид – я никогда не узнаю. Он снова встал и один раз стукнул по двустворчатым дверям. Постучав, стражник не стал ждать ответа, – по крайней мере, я ничего не слышал. Он толчком распахнул двери, провел меня внутрь и закрыл за собой тяжелые створки.

После стилого коридора комната показалась мне очень теплой. И в отличие от пустых комнат, которые мы миновали по пути сюда, она выглядела обжитой. Я вспоминаю висевшие на стенах ковры и портьеры, а еще – полки с табличками и свитками, наваленными в беспорядке, без которого не обходится ни одно уютное жилье. В огромном камине горел огонь, наполняя комнату теплом и приятным смолистым за-

пахом. У очага, чуть наискось, стоял необъятный стол, а за ним сидел крепкий человек, склонившийся над грудой бумаг. Брови его были нахмурены. Он не сразу поднял глаза, и некоторое время я мог видеть только копну спутанных темных волос.

Когда он посмотрел на меня, то, казалось, одним быстрым взглядом черных глаз охватил и меня, и стражника.

– Ну, Джейсон? – спросил он. Несмотря на нежный возраст, я различил в его голосе стоическое терпение – его работу грубо прервали, и тут уж ничего не поделаешь. – В чем дело?

Стражник легонько подтолкнул меня вперед, и я примерно на фут придвинулся к сидящему человеку.

– Старый пахарь его оставил, принц Верити, сир. Сказал, стало быть, что это бастард принца Чивэла.

Несколько мгновений усталый человек за столом продолжал разглядывать меня с некоторым смущением. Потом нечто похожее на удивленно-веселую улыбку осветило его лицо, он встал, обошел вокруг стола и остановился рядом со мной, уперев кулаки в бедра и глядя на меня сверху вниз. Я не почувствовал угрозы в этом пристальном взгляде – скорее мне показалось, что нечто в моей наружности ему до крайности понравилось. Я с любопытством смотрел на него. У принца была короткая черная борода, встопорщенная и лохматая, как и его шевелюра, обветренные щеки, грудь, похожая на бочку, и широкие плечи, натянувшие ткань рубаш-

ки. Его квадратные кулаки были покрыты пятнами и царапинами, но тем не менее пальцы правой руки были в чернилах. Он смотрел на меня, удивленно подняв густые брови, его улыбка делалась все шире, и наконец он весело фыркнул и заявил:

– Будь я проклят, паренек действительно похож на Чива, верно? Эда Плодородная, кто бы мог ждать такого от моего добродетельного братца!

Стражник ничего не ответил. Впрочем, никто и не ждал от него ответа. Он продолжал стоять в ожидании дальнейших распоряжений. Настоящий солдат, до мозга костей.

Чернобородый продолжал с интересом меня рассматривать.

– Сколько лет? – спросил он стражника.

– Тот пахарь сказал, стало быть, шесть. – Он собрался было почесать щеку, но потом, очевидно, вспомнил, что находится при исполнении служебных обязанностей, опустил руку и добавил – Сир.

Принц, похоже, не заметил нарушения дисциплины. Его темные глаза продолжали меня осматривать, и веселое удивление становилось все заметнее.

– Значит, дело было примерно семь лет назад. Ведь какое-то время понадобилось, чтобы живот мамыши подрос. Черт возьми! Да. Это был первый год, когда чьюрда пытались закрыть проход. А Чивэл добивался, чтобы его открыли. Гонялся за ними три или четыре месяца. Похоже – не только

за ними. Черт возьми! Кто бы мог подумать? – Он помолчал и внезапно спросил: – Кто мать?

Переминаясь с ноги на ногу, стражник буркнул:

– Так... это... кто ж ее знает, сир. Там только и был этот старый пахарь, и он сказал, что вон этот вот – бастард принца Чивэла и что он, пахарь то бишь, не хочет мальчишку кормить и одевать не хочет. Дескать, кто его сделал, тот пускай о нем и заботится.

Принц пожал плечами, как будто это не имело никакого значения.

– Мальчишка выглядит ухоженным. Через неделю – в крайнем случае через две – мать будет топтаться у кухонных дверей и скулить, что скучает без своего щенка. Тогда я узнаю – если не раньше. Ну, мальчик, как тебя зовут?

Его камзол был застегнут затейливой пряжкой в виде головы оленя. В свете колеблющегося пламени она казалось то медной, то золотой, то красной.

– Мальчик, – ответил я.

Не знаю, просто ли я повторил то, что говорили он и стражник, или у меня действительно не было другого имени. Принц вроде бы удивился, и что-то вроде жалости мелькнуло на его лице. Впрочем, так же быстро оба эти чувства исчезли, уступив место смущению или просто раздражению. Он оглянулся на карту, которая все еще ждала его на столе.

– Ладно, – сказал он. – Надо его как-то опорядить, по крайней мере до тех пор, пока не вернется Чив. Джейсон,

проследи, чтобы мальчишку накормили и нашли место, где спать, – хотя бы на сегодняшнюю ночь. Я пока прикину, что с ним делать завтра. Нельзя, чтобы королевские заугольши бродили по всей стране.

– Сир, – сказал Джейсон ровным тоном, в котором не прозвучало согласия или несогласия: солдат просто принял распоряжение.

Он положил мне на плечо тяжелую руку и развернул меня назад к двери. Я пошел немного неохотно, потому что в комнате было тепло и светло. Замерзшие ноги начало покалывать, и я понял, что если бы мне разрешили погреться еще немного, то я оттаял бы весь. Но рука стражника непреклонно сжимала мое плечо, и меня вывели из теплой комнаты в холодные сумерки мрачных коридоров.

После тепла и света они казались еще более темными и бесконечными, пока я семенил рядом со стражником, стараясь поспевать за его широким шагом. Может быть, я хныкал, а может, моя медлительность ему наскучила, но внезапно он остановился, схватил меня, поднял как пушинку и посадил себе на плечи.

– Щенок ты сопливый, – проворчал он беззлобно и понес меня дальше по коридорам и ступенькам, все дальше и дальше, навстречу желтому свету огромной кухни.

Там на скамейках сидели развалясь полдюжины других стражников и ели и пили за большим щербатым столом, стоявшим у огня, – стол этот был почти вдвое больше того, что в

кабинете. В кухне пахло едой, пивом, мужским потом, мокрой шерстяной одеждой и дымом от капающего в огонь жира. Вдоль стены рядами стояли свиные головы и маленькие бочонки, с балок свисали темные куски копченого мяса. По столу звякали миски. С куска мяса, крутившегося на вертеле, на камни очага стекал жир. Я уловил его восхитительный аромат, и желудок мой болезненно сжался. Джейсон грубо посадил меня к углу стола, ближайшему к огню, и подтолкнул локтем человека, лицо которого было скрыто за кружкой.

– Вот, Баррич, – сказал Джейсон как о чем-то само собой разумеющемся. – Вот этот вот щенок теперь будет твой. – И он отвернулся.

Я с интересом наблюдал, как он отломил от темной буханки хлеба горбушку величиной со свой кулак и вытащил из-за пояса нож, чтобы отрезать от круга сыра подходящий кусок. Потом он пихнул все это мне в руки, шагнул к огню и начал отпиливать порцию мяса, способную утолить голод взрослого мужчины. Я не стал тратить времени даром и наполнил рот хлебом и сыром. Человек по имени Баррич рядом со мной опустил кружку и оглянулся на Джейсона.

– Что это? – спросил он почти так же, как принц из теплой комнаты.

У него была такая же буйная шевелюра и борода, но лицо его было узким и угловатым. Кожа обветрена, как у человека, много бывающего на воздухе. Глаза были скорее коричне-

невыми, чем черными, длинные пальцы выглядели сильными и ловкими. Он пах лошадьми, собаками, кровью и кожей.

– Он для тебя, и присматривай за ним, принц Верити велел.

– Почему?

– Ну так ты же человек Чивэла, верно? Смотришь за его лошадьми, собаками и ястребами?

– Ну?

– Ну так ты возьмешь этого незаконнорожденного к себе, пока Чивэл не вернется и не придумает, чего с ним делать.

Джейсон протянул мне кусок истекающего соком мяса. Я переводил взгляд с хлеба на сыр, не желая расставаться ни с тем ни с другим, но страстно желая мяса. Он помялся, пожал плечами и с грубоватой практичностью воина небрежно бросил кусок на стол рядом со мной. Я запихнул в рот столько хлеба, сколько там поместилось, и передвинулся туда, откуда мог следить за мясом.

– Мальчишка Чивэла?

Джейсон пожал плечами, занятый поисками хлеба, мяса и сыра – теперь уже для себя.

– Так сказал старик, который его сюда приволок. – Он положил на ломоть хлеба сыра и мяса, откусил огромный кусок и потом заговорил с полным ртом: – Сказал, Чивэл пускай радуется, что хоть одного щенка наплодил, и пускай теперь сам его кормит.

Необычайная тишина внезапно воцарилась в кухне. Люди перестали есть, побросали хлебные доски и кружки и повернули головы к человеку, которого называли Барричем. Он сам тоже аккуратно поставил кружку подальше от края стола. Голос его был тихим и ровным, слова обдуманными:

– Если у моего хозяина нет наследника – это воля Эды, а не его вина. Леди Пейшенс всегда была слабой и...

– Так-то оно так, – поспешно согласился Джейсон, – а раз есть этот мальчишка, значит твой хозяин мужчина как мужчина. Вот и все, что я говорил. – Он поспешно вытер рот рукавом. – Уж он так похож на принца Чивэла! И брат его сказал – вот прямо сейчас. Тут уж наследный принц ни при чем, раз его леди младенчика доносить не может...

Но Баррич внезапно встал. Джейсон поспешно отпрянул, потом понял, что ему ничто не угрожает. Баррич же схватил меня за плечи и повернул к огню. Крепко взяв меня за подбородок и подняв мою голову, он испугал меня так, что я выронил хлеб и сыр. Он не обратил на это никакого внимания и стал рассматривать меня, словно географическую карту. Его глаза встретились с моими, и в них появилось нечто вроде ярости, как будто один вид моего лица нанес ему страшное оскорбление. Я пытался отвести взгляд, но он не отпустил меня, так что я смотрел на него сколько мог, потом увидел, что его недовольство внезапно сменилось чем-то вроде неохотного удивления. Наконец он на секунду закрыл глаза, словно ему стало больно.

– Для леди это будет большим испытанием, – промолвил Баррич.

Он отпустил мой подбородок и неловко отступил, чтобы поднять мой хлеб и сыр. Отряхнув их, он вручил мне обратно мой ужин. Я смотрел на плотную повязку на его правой икре и колене, которая не давала ему согнуть ногу. Он снова сел и налил себе чего-то из стоявшего на столе кувшина, потом начал пить, пристально глядя на меня поверх кружки.

– И с кем это его сделал Чивэл? – неосторожно спросил какой-то человек на другом конце стола.

Баррич метнул в его сторону быстрый взгляд, его кружка со стуком опустилась на стол. Некоторое время он молчал, и я почувствовал, что в кухне снова повисла тишина.

– Я бы сказал, что это дело принца Чивэла, а не твое, – процедил он.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился стражник.

Джейсон согласно закивал головой, как пританцовывающий перед подругой петух. Как ни мал я был, но все равно задумался: что же это за человек с забинтованной ногой, который может окоротить полную комнату здоровых мужчин при помощи только слов и взглядов?

– У пацана нет имени, – отважно нарушил молчание Джейсон. – Его звали просто мальчиком.

От этого заявления, по-видимому, все, даже Баррич, потеряли дар речи. Пока все молчали, я доел хлеб, сыр и мясо и даже сделал два-три глотка из кружки, протянутой мне

Барричем. Остальные солдаты постепенно покидали комнату группами по двое и по трое, а он все сидел и смотрел на меня.

– Что ж, – сказал он наконец, – насколько я знаю твоего отца, он примет это с честью и сделает то, что должно, но только Эде известно, что он сочтет честным и должным. Вероятно, то, от чего ему будет больнее всего. – Баррич еще некоторое время молча наблюдал за мной, потом спросил: – Ты сыт?

Я кивнул, и он с трудом встал, вытащил меня из-за стола и поставил на ноги.

– Тогда пойдем, Фитц¹, – сказал он и двинулся из кухни к другому коридору.

Перевязанная нога делала его походку немного неуклюжей. Возможно, свое дело сделало и пиво. Мне, конечно, нетрудно было за ним поспевать. Наконец мы подошли к тяжелой двери и привратнику, который кивком пропустил нас, бросив на меня любопытный взгляд.

Снаружи дул холодный ветер. Лед и снег, размякшие за день, с приходом ночи снова затвердели. Под ногами у нас хрустело, а ветер, казалось, пронизывал меня насквозь. Мои ноги немного согрелись у кухонного очага, но штаны не успели высохнуть, и скоро я весь продрог. Помню темноту и ужасную усталость, навалившуюся на меня, когда я тащился вслед за этим странным человеком через холодный темный

---

¹ Fitz(англ.) – незаконнорожденный сын, бастард.

двор. Спать хотелось до слез. Вокруг чернели высокие толстые стены, по верху которых время от времени двигались стражники – темные тени, которые можно было различить только потому, что они заслоняли звезды. Холод мучил меня, я спотыкался и скользил по ледяной дорожке. Но в Барриче было нечто такое, что не позволяло мне скулить и просить о снисхождении. Я упорно брел следом за ним. Наконец мы дошли до какого-то здания, и он распахнул тяжелую дверь.

Тепло, запах животных и мутный желтый свет хлынули изнутри. Заспанный конюшенный мальчик сел в своем соломенном гнезде, моргая, словно едва оперившийся птенец. Услышав голос Баррича, он снова улегся, свернувшись в маленький комочек в куче соломы, и закрыл глаза. Мы прошли мимо него, и Баррич запер за нами дверь. Он взял тусклый фонарь, висевший у двери, и повел меня вперед.

Я попал в другой, ночной мир, в котором шевелились и громко дышали в стойлах лошади, где собаки поднимали голову со скрещенных лап, чтобы взглянуть на меня, сверкая в свете фонаря зелеными или желтыми глазами. Лошади беспокойно похрапывали, когда мы проходили мимо их стойл.

– Ястребы там, в дальнем конце, – сказал Баррич, когда мы шли мимо нескончаемого ряда лошадей.

Судя по всему, мне это надо было знать, и я принял его сообщение как должное.

– Побудешь здесь, – сказал он наконец. – По крайней ме-

ре первое время. Будь я проклят, если знаю, что еще с тобой делать. Если бы не леди Пейшенс, я бы сказал, что боги славно подшутили над хозяином. Эй, Востронос, подвинься немножко и дай мальчику место на соломе. Вот молодец! Давай прижмись к Рыжей. Она примет тебя и как следует задаст любому, кто захочет тебя побеспокоить.

Я оказался перед просторным отдельным стойлом, в котором спали три собаки. Заслышав голос Баррича, они проснулись, прутьики их хвостов заколотили по соломе. Я начал медленно пробираться между ними и улегся рядом со старой сукой с поседевшей мордой и оторванным ухом. Матерый пес смотрел на меня с явным подозрением, но третий был щенок и приветствовал меня, лизнув в ухо, укусив за нос и радостно оцарапав лапами в щенячьем восторге. Я обнял его, чтобы уgomонить, и, последовав совету, устроился поближе к Рыжей. Баррич набросил на меня плотное одеяло, которое сильно пахло лошадьми. Очень большой серый конь в соседнем стойле внезапно зашевелился, несколько раз ударил копытом по перегородке и свесил голову ко мне, чтобы выяснить причину ночного переполоха. Баррич похлопал его по спине, и конь тут же успокоился.

– На этой заставе всем нам приходится туго. В Оленьем замке тебе больше понравится. А сегодня и здесь тебе будет тепло и безопасно. – Он постоял еще немного, глядя на нас. – Лошадь, собака и ястреб, Чивэл. Я смотрел за ними для вас много лет и делал это хорошо. Но этот ваш парнишка –

уж с ним что делать, я не знаю.

Я знал, что он обращается не ко мне. Чуть-чуть высунувшись из-под одеяла, я смотрел, как Баррич снимает с крючка фонарь и идет прочь, что-то ворча себе под нос. Хорошо помню эту первую ночь, тепло собак, колкую солому и даже сон, который наконец пришел, когда щенок свернулся около меня. Я вплыл в его сознание и разделил его смутные сны о бесконечной погоне, преследовании добычи, которой я никогда не видел, но чей горячий запах увлекал меня вперед сквозь заросли крапивы и куманики, а потом – по сыпучей каменной крошке.

После собачьего сна мои воспоминания становятся расплывчатыми, колышутся, как яркие цвета и четкие грани в дурманных грезах. Дни, следовавшие за первой ночью, запечатлелись в моей памяти хуже.

Я вспоминаю последние слякотные дни зимы, когда я изучал путь от моего стойла до кухни. Мне было позволено ходить на кухню и возвращаться обратно, когда захочу. Иногда там бывал повар, который подвешивал мясо на крюке над очагом, замешивал тесто для хлеба или вскрывал бочки с напитками. Чаще же всего на кухне не было никого, тогда я брал все, что оставалось на столе, и щедро делился со щенком, который быстро стал моим постоянным спутником. Мужчины приходили и уходили, ели, пили и рассматривали меня с нескрываемым любопытством, которое я вскоре научился не замечать. Для меня они все были на одно лицо:

одинаковые шерстяные штаны и плащи, крепкие тела и легкие движения. И каждый из них носил одежду с вышитым на груди гербом – изображением оленя в прыжке. От моего присутствия некоторым из них было как-то не по себе. Я уже привык к гулу голосов, поднимавшемуся, как только я покидал кухню. Баррич в эти дни все время был рядом, заботясь обо мне так же, как о животных Чивэла, – я был накормлен, напоен и выгулян, – хотя обычно в качестве прогулки я рысью бегал за ним, пока он делал свою работу. Но эти воспоминания расплывчаты, а детали – такие, как умывание или переодевание, – вероятно, поблекли, поскольку в шесть лет подобные вещи мы считаем обычными и не стоящими внимания. Конечно же, я помню щенка Востроноса. Шерсть его была рыжей, гладкой, короткой и немного щетинистой, она колола меня через одежду, когда по ночам мы устраивались на одной попоне. Глаза у него были зеленые, как медная руда, нос цвета жареной печенки, а пасть и язык пестрые – в розовых и черных пятнах. Если мы с Востроносом не ели на кухне, то проводили время в шутливой борьбе друг с другом во дворе или на соломе в стойле. Таким был мой мир в то время, пока я жил там, куда меня привел старик-пахарь. Наверное, это продолжалось недолго – я не помню, чтобы менялась погода. Все мои воспоминания об этом времени – это сырые дни, снег, ветер и лед, который подтаивал днем, но за ночь снова становился крепким.

Еще одно помню я о том времени, хотя и не очень отчет-

ливо. Скорее, это теплое, слабо окрашенное воспоминание, похожее на старый гобелен, если смотреть на него в полумраке. Как-то я проснулся, разбуженный вертевшейся собакой и желтым светом фонаря, который кто-то держал надо мной. Два человека стояли, склонившись надо мной, но за их спинами виднелся Баррич, и я не испугался.

– Ты его разбудил, – предупредил один из них. Это был принц Верити, человек из теплой комнаты моего первого вечера.

– Да? Он снова заснет, как только мы уйдем. Будь я проклят, у него действительно отцовские глаза. Клянусь, я узнал бы в нем кровь, где бы ни увидел. Никто в этом не усомнится. У вас с Барричем что, ума не больше, чем у блох? Незаконнорожденный он или нет, но не держать же ребенка в стойле под ногами у животных? Неужели вам больше некуда было его деть?

Говоривший был похож на Верити линией подбородка и глазами, но на этом сходство заканчивалось. Этот человек выглядел гораздо моложе. Он не носил бороды, надушенные и приглаженные волосы были тоньше и светлее. Его щеки и лоб покраснели от ночного холода, но видно было, что это скоро пройдет, в отличие от обветренной красноты Верити. Кроме того, принц одевался, как и его люди, в удобную грубошерстную одежду из плотной пряжи мягких цветов. Его наряд выделялся лишь тем, что изображение оленя на груди было вышито золотыми и серебряными нитями. Что ка-

сается второго человека, то он сверкал множеством оттенков алого и нежно-розового. Его плащ был сделан из куска ткани вдвое шире, чем нужно, чтобы просто завернуться в него. Дублет цвета жирных сливок, выглядывающий из-под него, был богато отделан кружевами. Шарф на горле был скреплен золотой пряжкой в виде скачущего оленя с глазом из зеленого самоцвета. Мягкий говор мог бы сравниться с перевитой золотой цепью, тогда как речь Верити состояла из прямых металлических звеньев.

– Да я как-то не подумал об этом, Регал. Что я знаю о детях? Я передал его Барричу. Он человек Чивэла, и раз он ухаживает за...

– Не сочтите за непочтительность к особам королевской крови, сир, – смутился Баррич, – я человек Чивэла и делал для мальчика все, что мог, как мне казалось. Я мог бы постелить ему в караульной. Но он мал еще, чтобы все время быть в компании здоровых мужчин, которые то приходят, то уходят, пьют, дерутся и ругаются... – По его тону было ясно, какую неприязнь сам он испытывает к их компании. – А здесь тихо, да и щенок к нему привязался. И Рыжая присматривает за ним ночью и покусает любого, кто попытается его тронуть. Мои лорды, я сам не много знаю о детях, и мне казалось...

– Ладно, Баррич, ладно, – перебил его Верити. – Если бы тут было о чем подумать, я бы взял это на себя. Раз я прислал мальчика к тебе – значит так надо. Эде ведомо, ему тут все

равно живется лучше, чем другим окрестным детям. Пока все в порядке.

– Но это должно измениться, когда он вернется в Олений замок. – голос Регала звучал недовольно.

– Так отец хочет, чтобы мы забрали его в замок? – вопрос исходил от Верити.

– Отец хочет. Моя мать – нет.

– О! – По тону Верити было ясно, что он не заинтересован в продолжении этого разговора.

Но Регал нахмурился и продолжал:

– Моя мать, королева, вовсе не в восторге от всего этого. Она долго уговаривала короля, но ничего не добилась. Мать и я считаем, что этого мальчика нужно... устранить. Это будет разумным. Путаницы по линии наследования и так хватает.

– Не вижу никакой путаницы, Регал. – Верити говорил спокойно. – Чивэл, я, а потом ты. Потом наш кузен Август. Этот незаконнорожденный малыш будет только пятым.

– Я прекрасно знаю, что ты идешь впереди меня. Необязательно тыкать это мне в нос при каждом удобном случае, – холодно заметил Регал и посмотрел на меня. – Я по-прежнему думаю, что лучше бы его здесь не было. Что, если Пейшенс никогда не родит от Чивэла законного наследника? Что, если он решит признать этого... ребенка? Тогда могут начаться раздоры среди знати. Зачем искушать судьбу? Это мнение мое и моей матери. Но наш отец, как мы все знаем, не

любит торопиться. Шрюд Проницательный – он и есть про- ницательный, как говорят простолюдины. Он строго-настро- го запретил в это вмешиваться. «Регал, – сказал он в своей излюбленной манере, – не делай ничего, что потом не смо- жешь исправить, пока не поймешь, чего ты будешь не в си- лах изменить, когда сделаешь это». Потом он засмеялся. – Регал тоже издал короткий, полный горечи смешок. – Я так устал от его юмора.

– О! – снова сказал Верити.

Я лежал тихо и думал, пытается он найти смысл в словах короля или воздерживается от ответа на сетования брата.

– Ты, конечно, понимаешь истинную причину, – заявил Регал. – А именно: он по-прежнему расположен к Чивэлу. – В голосе Регала слышалось отвращение. – Несмотря ни на что. Несмотря на его дурацкую женитьбу и сумасбродную жену. Несмотря на все эти неприятности. А теперь отец по- лагает, что бастард еще больше возвысит нашего старшего брата в глазах людей. Это докажет им, что Чивэл настоящий мужчина и может зачать ребенка. Кроме того, они увидят, что наследный принц тоже человек и может ошибаться, как и они сами. – По голосу Регала было ясно, что он со всем этим не согласен.

– И это заставит народ полюбить его и обеспечит поддерж- ку, когда ему достанется трон? То, что он зачал ребенка с какой-то простолюдинкой еще до того, как женился на коро- леве? – Казалось, Верити был сбит с толку этой логикой.

Голос Регала показался мне раздраженным.

– Так, по-видимому, думает король. Похоже, его совершенно не трогает это бесчестье. Однако я подозреваю, что у Чивэла будет другое мнение относительно своего сына. Особенно если это причинит боль его ненаглядной Пейшенс. Но король распорядился, чтобы ты забрал мальчишку с собой в Олений замок, когда поедешь туда. – Регал посмотрел на меня с мрачным удовлетворением.

Верити огорчился, но все же кивнул. Лицо Баррича потемнело, и тень эту не мог рассеять желтый свет фонаря.

– Разве слово моего господина ничего не значит в этом деле? – отважился он возразить. – Если он захочет уладить дела с семьей мальчика и отправить его назад, неужели ему не будет предоставлена свобода действий во имя спокойствия моей госпожи Пейшенс?

Принц Регал прервал его насмешливым фырканьем:

– Время для свободы действий у него было до того, как он повалил эту девку на койку. Леди Пейшенс не первая женщина, вынужденная встретиться с внебрачным сыном мужа. Здесь уже все до одного знают о его существовании, и виной тому безалаберность Верити. Нет никакого смысла прятать мальчишку. Как только королевский бастард будет признан, никто из нас не сможет похвастаться спокойствием, Баррич. Оставить его в таком месте, как это, – все равно что оставить меч, занесенный над горлом короля. Это, конечно, понятно даже псарю – а если нет, то твой хозяин тебе потом объяснит.

– В голосе Регала зазвенел лед, и Баррич вздрогнул.

Прежде я ни разу не видел его испуганным. Мне стало страшно, я натянул одеяло на голову и глубже зарылся в солому. Рядом со мной глухо зарычала Рыжая. Думаю, именно это заставило Регала отступить, но не могу быть в этом уверен. Мужчины вскоре ушли, и если они и говорили еще о чем-нибудь, то это не сохранилось в моей памяти.

Время шло. Думаю, минуло две или три недели до следующего моего яркого воспоминания: я цепляюсь за пояс Баррича, пытаюсь обхватить короткими ногами его лошадь, – это было начало казавшегося мне тогда нескончаемым путешествия из холодной деревни в далекие теплые края.

Полагаю, Чивэл должен был встретить нас где-то по пути, чтобы посмотреть на бастарда, которого он породил, и осудить себя. Но встречи с отцом я не помню. Единственный его образ, который я ношу в своем сердце, – это портрет на стене в Оленьем замке. Спустя много лет мне дали понять, что принц Чивэл был по-настоящему хорошим дипломатом, начал переговоры и заключил мир, продолжавшийся на протяжении моего отрочества, и тем заслужил уважение и даже любовь чьюрда.

По правде говоря, я был его единственной неудачей в тот год – но зато неудачей величайшей. Он раньше нас приехал в Олений замок, где и отрекся от права на трон. К тому времени, когда мы прибыли, он и леди Пейшенс уже покинули двор и отправились править Ивовым Лесом. Много позже я

побывал там. Этот край не имеет ничего общего со своим именем – теплая долина, уютно расположенная среди холмов на берегах спокойной реки. Место, самой природой предназначенное, чтобы выращивать виноград, зерно и толстощеких детишек. Это тихое владение очень далеко от границ, придворных интриг и всего, что прежде составляло жизнь принца Чивэла. Пастораль Ивового Леса была мягким и вежливым изгнанием для человека, который должен был стать королем. Бархатная удавка для воина и блестящего дипломата.

Итак, я прибыл в Олений замок – одинокий ребенок, незаконный сын человека, которого никогда не знал. Принц Верити вскоре стал законным наследником, и принц Регал передвинулся на ступеньку ближе к заветному трону. Если бы я только родился, был обнаружен и сразу сгинул без следа, это все равно бы оставило в истории Шести Герцогств неизгладимый след. Я вырос без отца и матери при дворе, где меня считали причиной всех бед. И я действительно стал причиной всех бед.

Глава 2

Новичок

Существует множество преданий о Завоевателе, первом короле-островитянине. Он провозгласил Бакк Первым герцогством и основал королевский род. Одна из легенд гласит, что набег, который он совершил, был первым и единственным, сделанным с холодных суровых островов, породивших его. Говорят, увидев деревянные стены Оленьего замка, он сказал: «Если там есть огонь и еда, я отсюда не уйду». В замке было и то и другое, и он остался.

Но семейные предания гласят, что он был плохим моряком, что соленая рыба, которой сызмальства питались островитяне, и качка вызывали у него тошноту. Его корабль много дней носило по океану, и если бы он не умудрился захватить Олений замок, собственная команда утопила бы его. Тем не менее на старом гобелене в Большом зале Тэйкер Завоеватель изображен могучим мужчиной, стоящим на носу корабля и свирепо улыбающимся, в то время как гребцы несут его к древнему Оленьему замку, сооруженному из грубо обработанного камня и дерева.

Замок строился как надежная крепость в устье судоходной реки у залива, с превосходными якорными стоянками. Какой-то мелкий вождь, чье имя затерялось в глубинах исто-

рии, увидел возможность контролировать отсюда торговлю на реке и построил первую крепость. По-видимому, он сделал это, чтобы защитить местные земли от набегов островитян, которые каждое лето разграбляли берега реки. Чего он не мог предвидеть, так это того, что предательство откроет захватчикам двери его укреплений. Башни и стены Оленьего замка стали опорным пунктом островитян, откуда они двинулись вверх по реке, подчиняя себе все новые и новые земли. Деревянный форт многократно перестраивался и в конце концов превратился в сердце Первого герцогства. Со временем он стал столицей королевства Шести Герцогств.

Видящие – правящая династия Шести Герцогств – произошли от этих островитян. Несколько поколений сохраняли связи с островами, навещая их, и возвращались домой с пышными темноволосыми женами из своего собственного народа. Таким образом, кровь островитян и поныне сильна в королевской линии и наиболее благородных домах, производя сильных, темноглазых, темноволосых детей. Вместе с тем от родителей к детям передается и предрасположенность к Силе со всеми опасностями и слабостями, наследуемыми с этой кровью. Я тоже получил свою долю этого наследства.

Но мой первый опыт в Оленьем замке был далек от истории или наследственности. Столица была для меня всего лишь конечной точкой путешествия, мешаниной шума, людей, собак, повозок, зданий, путаницей кривых улочек, которая наконец привела к огромному каменному замку. Он

стоял на скалах и царил над городом Баккип, раскинувшимся под его стенами. Лошадь Баррича устала и часто спотыкалась на грязном булыжнике городских улиц. Я, тоже слишком усталый и разбитый даже для того, чтобы жаловаться, молча цеплялся за его пояс. Один раз я поднял голову, чтобы посмотреть на высокие серые башни и стены крепости над нами. И хотя с моря тянуло теплым бризом, какого мне раньше чувствовать не доводилось, замок показался мне холодным и негостеприимным. Я уткнулся лбом в спину Баррича. Меня затошнило от солоноватого йодистого запаха необъятной водной глади. Так я и прибыл в Олений замок.

Жилье Баррича располагалось над стойлами, недалеко от соколиных клеток. Туда он и отвел меня вместе с собаками и ястребом Чивэла. Сперва он занялся птицей, сильно запачкавшейся во время путешествия. Собаки были ужасно взбудоражены тем, что наконец оказались дома. Они изливали на все вокруг потоки безудержной энергии, которую нелегко было вынести человеку, уставшему так, как устал я. Востронос сбивал меня с ног около полудюжины раз, пока я не вколотил в его упрямую голову, что устал, почти болен и совершенно не в настроении с ним играть. Он выслушал меня и отреагировал как любой нормальный щенок, немедленно найдя новых друзей и ввязавшись в псевдосерьезную драку, которую быстро прекратил грозный окрик Баррича. Может, он и был человеком Чивэла, но здесь, в Оленьем замке, он был хозяином собак, ястребов и лошадей.

Разобравшись с привезенными животными, он прошелся по стойлам проверить, что там изменилось в его отсутствие. Псари, грумы и сокольничьи возникали словно из-под земли, защищая подопечных от суровых выговоров Баррича. Я рысью бежал за ним, куда хватало сил не отставать, и только когда я окончательно сдался и устало рухнул на кучу соломы, он, казалось, заметил меня. На лице его отразились раздражение и нечеловеческая усталость.

– Эй, Коб! Возьми юного Фитца на кухню и проследи, чтобы его там накормили, а потом приведи обратно сюда.

Коб был темноволосым мальчуганом с псарни лет десяти от роду. Он только что удостоился похвалы за здоровый помет, полученный в отсутствие Баррича. Минуту назад он купался в одобрении хозяина, а теперь его улыбка исчезла, и он с сомнением посмотрел на меня. Некоторое время мы разглядывали друг друга. Баррич тем временем шествовал вдоль стойл, за ним семенили его подчиненные. Потом мальчик пожал плечами и слегка нагнулся, чтобы взглянуть мне прямо в лицо.

– Ты, значит, голодный, Фитц? Сейчас найдем тебе поесть, – сказал он тем же тоном, каким только что уговаривал щенят выйти на свет, чтобы Баррич смог их рассмотреть.

Я с облегчением кивнул, потому что он ждал от меня не больше, чем от своих щенят, и пошел за ним. Коб часто оглядывался, проверяя, поспеваю ли я за ним. Едва мы вышли из конюшни, как, виляя хвостом, прибежал Востронос

– ему хотелось пойти с нами. Очевидная привязанность собаки подняла меня в глазах Коба, и он продолжал разговаривать с нами обоими короткими ободряющими фразами: мол, скоро уже мы сможем поесть, а теперь пошли... нет, не надо нюхать эту кошку... пошли, пошли, вот хорошие мальчики.

В конюшне царила суматоха, люди Верити ставили лошадей и вешали сбрую, а Баррич ко всему придирался и выговаривал за невыполненные во время его отсутствия распоряжения. Мимо нас мелькали люди, нагруженные самыми разнообразными поручениями: мальчик, который тащил на плече тяжеленный кусок бекона, стайка хихикающих девушек с огромными рассыпающимися охапками вереска и тростника в руках, мрачный старик с корзиной еще трепещущей рыбы, три молодые ряженые женщины, чьи голоса звенели так же весело, как колокольчики на их шутовских костюмах.

Вскоре мой нос сообщил мне, что мы приближаемся к кухне. Неразбериха вокруг нас нарастала до тех пор, пока мы не подошли к двери, у которой образовалась настоящая давка от входящих и выходящих людей. Коб остановился, мы со щенком последовали его примеру, и носы наши отчаянно заработали в сладостном предвкушении. Мальчик посмотрел на толпу в дверях и нахмурился.

– Там полно народа. Готовятся к сегодняшней приветственной трапезе в честь Верити и Регала. Все до одного собрались в Оленьем замке, когда прослышали, что Чивэл отрекся от престола. На Совет по этому поводу прибыли все

герцоги, а кто не смог, прислал людей. Я слышал, что даже от чьюрда кто-то приехал. Они хотят убедиться, что все договоры остаются в силе теперь, когда Чивэл... – Он замолчал, внезапно смутившись. Потому ли, что говорил о моем отце, или потому, что обращался к щенку и шестилетке как к разумным созданиям, – я не знаю.

Коб огляделся, оценивая ситуацию.

– Подождите здесь, – сказал он нам наконец. – Я проберусь туда и вынесу вам что-нибудь. Вряд ли на меня наступят... или поймают. Давайте стойте здесь. – Он подкрепил команду решительным взмахом руки.

Я попятился к стене и сел там на корточках, в стороне от беспорядочной сутолоки, а Востронос послушно лег рядом со мной. Я одобрительно смотрел, как Коб подошел к двери и угрем проскользнул в кухню.

Когда он скрылся из виду, я стал разглядывать людей, что толклись у дверей кухни. В основном они были слугами или поварами, но встречались менестрели, торговцы и посыльные. С усталым любопытством я смотрел, как они приходят и уходят. Я уже слишком много повидал за день, чтобы это зрелище вызвало у меня по-настоящему живой интерес. Едва ли не больше, чем о еде, я мечтал о спокойном уединенном местечке вдали от всей этой сумятицы. Я сидел на земле, прислонившись спиной к нагретой солнцем стене замка и уткнувшись лбом в колени, а Востронос приткнулся рядом.

Меня разбудил Востронос – его хвост-прутик хлестал по

земле. Я поднял голову с колен и увидел перед собой пару высоких коричневых сапог. Глаза мои скользнули по грубым кожаным штанам и простой шерстяной рубашке к лицу человека с лохматой бородой и копной нечесаных волос. Мужчина, разглядывавший меня, держал на плече маленький бо-
чонок.

– Незаконнорожденный, что ли?

Я слышал это слово достаточно часто и знал, что так называют меня, хотя и не понимал, конечно, всей полноты его значения. Лицо мужчины даже просветлело от любопытства.

– Хей, – громко сказал он, обращаясь уже не ко мне, а к входящим и выходящим людям, – тут этот незаконнорожденный, собственной персоной! Сыночек Чивэла. Здорово похож на него, верно? Кто твоя мать, парень?

К их чести, большинство прохожих продолжали входить и выходить, ограничиваясь любопытным взглядом в сторону сидящего у стены шестилетки. Но очевидно, вопрос человека с бочкой представлял огромный интерес, потому что немало голов повернулось ко мне, а несколько вывалившихся из кухни торговцев подошли поближе, чтобы услышать ответ.

Но ответа у меня не было. Мама была мама, и то, что я знал о ней, уже начинало стираться из памяти. Так что я ничего не ответил, а только молча смотрел на него.

– Эй! Ну а звать-то тебя как? – И, повернувшись, он с чувством обратился к публике: – Я слышал, его и звать-то

никак. Никакого королевского имечка, чтобы делать его характер, и даже никакого другого, чтобы ругаться на него, – сообщил он. – Что, это правда, парень? Имя-то у тебя есть?

Толпа зевак росла. У некоторых в глазах была жалость, но никто не вмешивался. Что-то из того, что я чувствовал, передалось Востроносу, который рухнул на бок, умоляюще выставляя напоказ животик и виляя хвостом. Это древний собачий знак: мол, я всего лишь щенок, сжальтесь, я не могу себя защитить. Если бы они были собаками, то обнюхали бы меня и отошли, но у людей нет такого врожденного благородства, поэтому, не дождавшись ответа, человек шагнул ко мне и повторил:

– У тебя есть имя, парень?

Я медленно поднялся, и стена, которая всего мгновение назад ласково грела мне спину, сейчас стала холодным барьером на пути к отступлению. Востронос у моих ног извивался в пыли, лежа на спине, и тихонько поскуливал.

– Нет, – пролепетал я и, когда человек начал наклоняться ко мне, чтобы лучше слышать, закричал: – НЕТ! – и *оттолкнул* его, боком отступая вдоль стены.

Я увидел, как он, сделав шаг назад, споткнулся и выпустил бочку, которая упала на мощенную булыжником дорогу и треснула. Никто в толпе не мог понять, что случилось. Я тем более не понял, потому что многие смеялись, увидев, как взрослый человек пятится перед ребенком. В это мгновение родилась моя репутация – репутация моего характера

и силы духа, – потому что еще до ночи рассказ о маленьком бастарде, оттолкнувшем своего обидчика, разошелся по всему городу.

Востронос вскочил и обратился в бегство вместе со мной. Я успел заметить лицо Коба, напряженное и растерянное, когда он вышел из кухни с пирогами в руках и увидел, как мы с Востроносом убегает. Будь это Баррич, я бы, вероятно, остановился и вверил себя его защите. Но мальчик не был Барричем, так что я бежал вслед за опередившим меня щенком. Мы промчались через толпу слуг – всего лишь еще один мальчик с собакой, бегущий по двору, – и Востронос отвел меня в то место, которое, очевидно, считал самым безопасным в мире. Далеко от кухни и внутренних зданий была ямка, которую вырыла Рыжая под углом развалюхи. Там хранились мешки с горохом и бобами. Здесь, вдали от хозяйского взгляда Баррича, родился Востронос. И здесь Рыжая умудрялась прятать щенят почти три дня. Баррич сам нашел ее здесь. Его запах был первым человеческим запахом, который запомнил Востронос. Было очень трудно подлезть под здание, но нора внутри была теплой, сухой и полутемной. Востронос прижался ко мне, и я обнял его. Здесь, в безопасности, наши сердца вскоре перестали бешено колотиться, мы сначала задремали, а потом и погрузились в глубокий сон без сновидений – такой, какой бывает только теплым весенним вечером, когда под боком у тебя сопит щенок.

Я проснулся через несколько часов, дрожа от холода. На

дворе стемнело, и недолговечное тепло ранней весны улетучилось. Востронос тоже проснулся, и вместе мы выскользнули из логова.

Над Оленьим замком слабо мерцало далекое ночное небо, звезды были яркими и холодными. Чувствовалась близость залива, как будто дневные запахи людей, лошадей и стряпни были вынуждены уступить место великой мощи океана. Мы шли по пустынным переходам мимо площадок для упражнений в воинском искусстве, мимо амбаров и винодельни. Все было неподвижно и тихо. Когда мы подошли ближе к собственно замку, я увидел, что факелы еще горят, и услышал чьи-то голоса. Но во всем ощущалась усталость – это были последние вздохи гульбища, затихающие перед рассветом. Тем не менее мы обошли внутреннее здание, держась от него подальше, потому что человеческого общества на сегодня нам вполне хватило. Я обнаружил, что иду за Востроносом назад к конюшням. Когда мы подошли к тяжелым дверям, я подумал, как же мы войдем, но щенок оживленно завилял хвостом, и даже мой не столь чуткий нос ощутил в темноте запах Баррича. Наш опекун встал с деревянной переносной клетки, стоявшей у двери.

– Вот и вы, – успокаивающе сказал он. – Ну валяйте, заходите. – Он открыл нам тяжелые двери и ввел нас внутрь.

Мы брели за ним сквозь темноту между рядами стойл, мимо грумов и конюхов, привыкших ночевать в конюшне, и потом мимо наших собственных лошадей и собак к лестнице,

поднимавшейся вдоль стены, что отделяла стойла от клеток. Вслед за Барричем мы шли по скрипящим деревянным ступенькам, и он открыл еще одну дверь.

Тусклый желтый свет догорающей свечи на столе почти ослепил меня. Мы вошли в комнату с наклонным потолком. Комната пахла Барричем, кожей, маслами, травами и мазями, без которых не обойтись в его ремесле. Дверь за нами закрылась, и, когда он проходил мимо нас, чтобы зажечь новую свечку взамен стоявшей на столе, я почувствовал слабый винный запах. Свет стал ярче, и Баррич уселся в грубое деревянное кресло у стола. Он изменился: на нем был коричневый с желтым камзол из хорошей тонкой ткани, на груди висела тяжелая серебряная цепь. Он положил руку на колено ладонью вверх, и Востронос немедленно подошел к нему. Баррич почесал его висячие уши и нежно похлопал по ребрам, поморщившись от поднявшейся при этом пыли.

– Славная вы парочка, – сказал он, обращаясь скорее к щенку, чем ко мне. – Только посмотрите на себя! Грязные, как нищие. Я из-за вас сегодня лгал моему королю. Впервые в своей жизни. Похоже, опала Чивэла заденет и меня. Сказал ему, что вы выкупались и крепко спите, устав с дороги. Король был недоволен, что ему придется подождать встречи с вами, но, на наше счастье, у него есть и более важные дела. Отречение Чивэла переполошило всех лордов. Некоторые хотят извлечь какую-то выгоду, другие чувствуют себя обманутыми – принц, который был им по душе, так и не ста-

нет королем. Шрюд пытается их всех успокоить. Продолжает распускать слухи, что на этот раз именно Верити вел переговоры с чьюрда. Кто-то в это поверит. За ними все равно придется присматривать, но они хотя бы задумаются о том, каким королем будет Верити, если займет трон. Чивэл бросил все и уехал в Ивовый Лес, и все герцогства гудят, словно потревоженное осиное гнездо.

Баррич оторвал взгляд от возбужденной мордочки Востроноса.

– Что ж, Фитц. Думаю, хватит с тебя всего этого на сегодня. Удрал, напугал бедного Коба до смерти. Ну, теперь-то опомнился? Что, кто-то задирает тебя? Следовало бы мне знать, что найдутся и такие, кто захочет свалить на тебя всю эту суматоху. Давай иди сюда.

Я замялся, а он подошел к матрасику из одеял, устроенному у огня, и похлопал по нему:

– Смотри. Вот место для вас, оно готово. А на столе хлеб и мясо для вас обоих.

Его слова заставили меня обратить внимание на прикрытую тарелку на столе. Мясо, которое уже давно учуял Востронос. Теперь и я тоже остро почувствовал аппетитный запах. Баррич засмеялся над тем, как мы бросились к столу, и молча одобрил то, что я выделил Востроносу изрядную порцию, прежде чем сам взялся за еду. Мы наелись до отвала, – похоже, Баррич хорошо представлял себе, как голодны могут быть щенок и мальчик после целого дня обид и горестей.

И потом, несмотря на наш недавний долгий сон, одеяла у огня стали вдруг ужасно соблазнительными. Наполнив желудки, мы свернулись калачиками, подставив спины жарким волнам от очага, и заснули.

Когда мы проснулись на следующий день, солнце стояло уже высоко и Баррича с нами не было. Прежде чем покинуть его комнату, Востронос и я съели горбушку вчерашнего хлеба и дочиста обглодали кости. Никто не остановил нас, когда мы шли к выходу из конюшен, – собственно говоря, на нас вообще не обратили внимания.

Начинался новый день суеты и гуляний. Замок был полон людьми. Сотни ног месили дорожную пыль, гул голосов перекрывал шум ветра и отдаленный рокот волн. Востронос впитывал каждый запах, каждый звук. Его чувства передавались мне, мои собственные глаза и уши тоже ловили все вокруг, и от такого удвоения у меня голова шла кругом. Из обрывков разговоров я понял, что наше прибытие совпало с каким-то весенним праздником и народными гуляньями. Отречение Чивэла все еще было главной темой пересудов, но это не мешало выступлениям кукольников и фокусников. В одном из кукольных представлений отречение Чивэла уже было подано как похабная комедия. И я стоял, неузнанный, в толпе и гадал, что же было такого смешного в диалоге о посеве на соседском поле, что взрослые вокруг рыдают от хохота.

Но очень скоро толпы народа и шум начали угнетать нас

обоих, и я дал понять Востроносу, что хочу уйти от всего этого. Мы покинули крепость, выйдя из ворот в толстой стене мимо стражников, увлеченно заигрывавших с какими-то развеселыми девицами. Еще один мальчик с собакой вышел вместе с семьей торговца рыбой, стоит ли обращать на него внимание! Более предпочтительных попутчиков видно не было, и мы пошли вместе с этим семейством по направлению к городу. Мы все больше и больше отставали от них. Востронос исследовал каждый незнакомый запах и поднимал лапку на каждом углу, и в конце концов мы окончательно потеряли семью торговца из виду и стали бродить по городу вдвоем.

Город Баккип был в те времена ветреным и неудобным. Улицы были крутыми и кривыми, камни мостовой шатались и вылетали под колесами проезжающих повозок. Ветер ударил мне в ноздри непривычным запахом выброшенных на берег водорослей и рыбьей требухи; пронзительный крик чаек и других морских птиц казался некой потусторонней музыкой, перекрывающей ритмичный плеск волн. Город цеплялся за черные каменистые скалы, как моллюски и рачки лепятся к сваям мола, стоящего на заливе. Дома были каменные и деревянные, причем последние, сделанные более тщательно, стояли выше на каменистой поверхности и имели более основательные фундаменты.

Все казалось тихим и спокойным после праздничных толп в замке. Нам же не хватило ума и опыта понять, что прибрежный город – неподходящее место для прогулок щенка

и шестилетнего мальчика. Я осматривался по сторонам, а Востронос жадно обнюхивал все по пути через улицу Булочников и почти безлюдную рыночную площадь вниз, к лодочным сараям, стоящим у самой воды. Там нам пришлось шагать по деревянным пирсам так же часто, как по песку и камню. На берегу кипела обычная будничная жизнь с небольшими уступками карнавальная атмосфере замка наверху. Корабли должны швартоваться и разгружаться, когда это позволяют прилив и отлив, и те, кто зарабатывает на жизнь ловлей рыбы, подчиняются ритму моря, а не людской суете.

Вскоре мы встретили детей. Некоторые из них выполняли мелкие поручения родителей, но другие, как и мы, лентяйничали. Я легко сошелся с ними, не испытывая потребности во взрослом этикете представления или других подобных глупостях. Кое-кто из них был гораздо старше меня, но встречались и мои одноклассники. Некоторые были даже младше. Никто из них, казалось, не находил странным, что я брожу по городу сам по себе. Меня познакомили со всеми достопримечательностями, включая раздувшийся труп коровы, который принесло приливом. Мы посетили строящееся новое рыбацкое судно в доке. Оно было завалено кудрявой стружкой и опилками, от которых исходил сильный смолистый дух. Оставленная без присмотра коптильня с рыбой обеспечила полуденное пиршество полудюжине ребятишек. Если эти дети и были более оборванными и грязными, чем те, кто проходил мимо, спеша по делам, я этого не заметил.

И если бы кто-нибудь сказал мне, что я провел день в стае нищих сорванцов, которые нечисты на руку, и потому им заказан вход в крепость, я был бы потрясен. В то время я знал только, что это был неожиданно прекрасный день, когда в достатке было куда пойти и чем заняться.

Было несколько юнцов постарше и более отчаянных, которые не упустили бы случая поизводить новичка, если бы Востронос не был рядом со мной и не скалил зубы при каждом их неосторожном жесте. Поскольку я не выказывал ни малейшего желания покушаться на их права лидеров, мне было позволено следовать за ними. На меня произвели впечатление их тайны. Пожалуй, я даже осмелюсь утверждать, что к концу этого вечера знал беднейшие кварталы города лучше, чем многие из родившихся в замке.

Меня не спрашивали об имени и называли просто Новичком. У остальных были самые обыкновенные имена, как, например, Дирк или Керри, или говорящие прозвища – типа Рыбный Воришка или Расквашенный Нос. Последняя была девчонкой и могла бы быть прелестным маленьким существом, попав в более благоприятные условия. Она была на год или два старше меня, прямодушная, с острым и живым умом. Она ввязалась в спор с двенадцатилетним мальчиком, совершенно не испугавшись его кулаков, и благодаря ее острому язычку вскоре все над ним смеялись. Она приняла свою победу спокойно и заставила меня благоговеть перед ее твердостью. Но синяки на ее лице и тонких руках цвели

всеми оттенками фиолетового, синего и желтого, а корочка запекшейся крови под левым ухом только немного не соответствовала ее имени. Несмотря на это, Расквашенный Нос была веселой и голос ее был звонче голоса чаек, кружившихся над нами. Поздним вечером Керри, Расквашенный Нос и я сидели на каменистом берегу за станками для починки сетей, и Расквашенный Нос учила меня, как очищать камешки от крепко прилепившихся моллюсков. Она счищала их со знанием дела заостренной палочкой и показывала мне, как при помощи ногтя выгонять маленьких съедобных жильцов из их раковин, когда нас окликнула какая-то девочка.

Аккуратный синий плащ и добротные кожаные туфли отличали ее от моих новых товарищей. Она не подошла, чтобы присоединиться к нашей охоте, а закричала:

– Молли, Молли, он ищет тебя повсюду! Пришел почти трезвый час назад, увидел, что ты ушла и огонь погас, – и ну поносить тебя на чем свет стоит!

На лице Расквашенного Носа появилось отчаянное, упрямое выражение, смешанное со страхом.

– Беги, Киттни, и прихвати мою благодарность! Я не забуду тебя в следующий раз, когда с отливом появятся крабы.

Киттни наклонила голову, быстро повернулась и бросилась назад, туда, откуда пришла.

– У тебя неприятности? – спросил я, когда увидел, что Расквашенный Нос не спешит снова переворачивать камни в поисках моллюсков.

– Неприятности? – Она пренебрежительно фыркнула. – Это как посмотреть. Если отец сможет оставаться трезвым достаточно долго, чтобы найти меня, тогда, что ж, тогда у меня и правда могут быть неприятности. Но к вечеру он наверняка здорово напьется и не попадет в меня ничем из того, что будет швырять. Наверняка! – повторила она твердо, когда Керри открыл рот, чтобы возразить.

С этими словами она решительно повернулась к каменистому берегу и возобновила поиски.

Мы сидели над многоногим серым существом, которое нашли в лужице, оставленной приливом, когда хруст тяжелых сапог по заросшим водорослями камням заставил нас поднять голову. Керри с криком сорвался с места и побежал по берегу, не останавливаясь и не оглядываясь. Востронос и я отскочили назад. Щенок припал около меня на передние лапы, отважно оскалившись, его трусливый хвостик загнулся вниз и щекотал нежный животик. Или Молли Расквашенный Нос не обладала такой быстрой реакцией, или заранее смирилась с неизбежным. Долговязый мужчина ударил ее в висок. Это был исхудалый костлявый человек с красным носом, а его мосластый кулак был похож на узел, но удар оказался достаточно сильным, и Молли растянулась на земле. Осколки ракушек врезались в ее обветренные колени, и, когда она поползла вбок, чтобы избежать неуклюжего пинка, которым мужчина собирался наградить ее, я содрогнулся при виде соленого песка, забившего свежие царапины.

– Ах ты, проклятая вероломная мускусная кошка! Разве я не говорил тебе, чтобы ты сидела дома и присматривала за обмакиванием? А ты торчишь на берегу и роешься в дерьме, сало же в горшке уже застыло. Они там в замке захотят еще свечей сегодня ночью, и что я им продам?

– Те три дюжины, которые я сделала утром. Это было все, что ты мне оставил, ты, старый пьяница! – Молли вскочила на ноги и храбро встала перед ним, хотя глаза ее были полны слез. – Что я должна была делать? Сжечь все дрова, чтобы держать сало мягким до тех пор, пока ты не притащишь наконец фитили? Чтобы тогда нам нечем было разогреть котел?

Человек покачнулся под очередным порывом ветра. До нас донесся его запах. *Пот и пиво*, – сообщил мне Востронос. На мгновение пьяный, казалось, смутился, но затем боль в голове и переполненном пивом желудке снова ожесточила его. Он резко наклонился и схватил побелевшую ветку плавника.

– Ты не будешь так со мной разговаривать, ты, дикая тварь! Торчишь тут с нищими мальчишками, делаешь Эль знает что! Держу пари, что снова воровала в коптильне и позорила меня! Попробуй только убежать – и получишь вдвое, когда я тебя поймаю.

Она, должно быть, поверила ему, потому что лишь сжалась, когда он двинулся к ней, и подняла тонкие руки, чтобы защитить голову, но потом передумала и спрятала только

лицо. Я стоял, оцепенев от ужаса, а Востронос, которому передан мой страх, визжал и даже сделал лужицу у моих ног. Я услышал свист, когда дубинка опустилась. Сердце мое бешено заколотилось, и *я отпихнул* пьяного. Каким-то странным образом сила, переполнявшая меня, вылетела наружу из моего живота.

Обидчик Молли упал, как и человек с бочонком накануне. Но он не вскочил, а схватился за живот, его палка, никому не причинив вреда, отлетела в сторону. Он упал на песок, дернулся, так что судорога свела все его тело, и затих.

Мгновением позже Молли открыла глаза, все еще дрожа в ожидании удара, и увидела своего обидчика, скорчившегося на каменистом берегу. Потрясение стерло с ее лица все прочие чувства. Она бросилась к упавшему.

– Папа, папа, что с тобой? Пожалуйста, не умирай! Прости, что я была такой гадкой девчонкой! Не умирай, я буду хорошей, обещаю, что буду хорошей.

Не обращая внимания на царапины, она упала на колени рядом с ним и повернула его голову, чтобы он не лежал лицом в песке, а потом тщетно попыталась его посадить.

– Он хотел убить тебя, – сказал я ей, стараясь осмыслить происходящее.

– Нет. Он меня слегка поколачивает, когда я бываю плохой, но он никогда не убил бы меня. А когда он трезвый и не больной, он плачет из-за этого и просит меня не быть плохой и не сердить его. Мне надо было лучше стараться не сердить

его. Ой, Новичок, кажется, он умер!

Я и сам боялся чего-то подобного, но через несколько мгновений отец Молли издал ужасный стон и открыл глаза. Как бы то ни было, припадок, сваливший его, по-видимому, прошел. Еще не совсем придя в себя, он принял самообвинения и заботу Молли и даже мои вынужденные попытки помочь. Он оперся на нас обоих, и мы повели его по неровному каменистому пляжу. Востронос не отставал, он то принимался лаять, то наматывал круги вокруг нас. Люди на улицах не обращали на нас никакого внимания. Судя по всему, никто из них не видел ничего необычного в том, что Молли ведет домой своего отца.

Я проводил их до самых дверей маленькой свечной мастерской, Молли, всхлипывая, всю дорогу бормотала извинения. Я оставил их там, и мы с Востроносом нашли дорогу обратно вверх по кривым улицам и холмистой дороге к крепости, пребывая в глубочайшем удивлении, которое произвели на нас человеческие нравы.

Раз обнаружив город и нищую ребятню, я стал навещать их впоследствии каждый день. Днем Баррич был занят своими делами, а вечерами он пил и развлекался на празднике Весны. Он мало обращал внимания на мои приходы и уходы, если только вовремя находил меня на маленьком матрасике перед очагом. По правде говоря, думаю, он слабо представлял, что со мной делать, и считал вполне достаточным сытно накормить меня и следить, чтобы ночи я проводил в поме-

щении, где со мной ничего не случится.

Времена для него настали нелегкие. Будучи человеком Чивэла, что он мог ожидать теперь, когда его хозяин отрекся от своего высокого положения? Вероятно, именно это не давало покоя Барричу. Это да еще больная нога. Несмотря на умение делать припарки и перевязки, он, видимо, не мог лечить себя так же хорошо, как обычно исцелял животных. Один или два раза я видел ногу разбинтованной, и меня передергивало от зрелища рваной раны, которая никак не хотела заживать, по-прежнему нарывала и гноилась. Сперва Баррич заковыристо ругался и мрачно сжимал зубы каждый вечер, когда чистил и перебинтовывал ее, но, по мере того как шли дни, его стало охватывать бессильное отчаяние. Постепенно ему удалось заставить рану закрыться, но грубый шрам обвивал ногу, и Баррич продолжал хромать. Что же удивляться, что он уделял не так уж много внимания маленькому бастарду, оставленному на его попечение. И я, предоставленный сам себе, бегал повсюду, как могут только маленькие дети, на меня почти не обращали внимания. К окончанию праздника Весны стражники у ворот крепости привыкли к моим ежедневным приходам и уходам. Они, вероятно, считали меня посыльным, потому что в замке было очень много таких, не намного старше меня. Я научился ранним утром таскать из кухни достаточное количество еды, чтобы мы с Востроносом могли как следует позавтракать. А обгоревшие крошки у булочников, моллюски и водоросли на

пляже, копченая рыба из оставленных без присмотра коптилен – это составляло значительную часть моих дневных дел.

Молли Расквашенный Нос всегда была рядом со мной. После того случая мне редко доводилось видеть, чтобы отец бил ее: часто он был настолько пьян, что не мог отыскать ее, а если все же находил – был неспособен выполнить угрозы. Я почти не задумывался, как мне удалось оттолкнуть его в тот раз. Молли, к моему облегчению, так и не поняла, что я был к тому причастен.

Город стал для меня целым миром, а крепость – местом, куда я шел спать. Было лето, замечательное время в портовом городе. В каком бы месте Баккипа я ни оказывался, там обязательно что-то происходило. На плоских речных баржах, ведомых потными речниками, по Оленьей реке приходили товары из Внутренних герцогств. Эти матросы со знанием дела говорили о банках, вехах и отмелях, о подъемах и спадах воды в реке. Они перевозили грузы вверх по течению, в городские склады и лавки, а потом снова вниз, к трюмам морских кораблей. Мореходы презрительно насмеялись над речниками и их материковыми обычаями. Они говорили о приливах, штормах и ночах, когда даже звезды не появлялись на небе, чтобы указывать им путь. У причалов Баккипа швартовались и рыбаки, они были самыми дружелюбными из матросов – по крайней мере, когда возвращались с хорошим уловом.

Керри растолковал мне премудрости жизни причалов и

таверн и рассказал, как быстроногий мальчик может заработать три или даже пять пенсов в день, бегая по поручениям по крутым улочкам города. Нам хватало ловкости и дерзости даже для того, чтобы перехватывать заказы из-под носа у ребят постарше, которые просили целых два пенса за выполнение одного поручения. Не думаю, что когда-либо еще в жизни я был таким смелым. Закрыв глаза, я чувствую запах этих прекрасных дней. Пакля, смола и свежая стружка с сухих доков, где корабельные плотники орудовали молотками и стругами. Крепкий запах свежей рыбы и ядовитая вонь улова, который слишком долго пролежал на солнце в жаркий день. Кипы шерсти добавляли налет к запаху дубовых бочек с хмельным бренди Песчаных пределов. И все эти запахи смешивались с ветром с залива, приправленным солью и йодом. Востронос предлагал моему вниманию все, что вынюхивал, и его тонкие чувства заглушали мои, более грубые.

Керри и меня посылали отыскать штурмана, который ушел попрощаться с женой, или отнести образцы специй к хозяину магазина. Нас могли отправить предупредить команду, что какой-то болван неправильно привязал концы и прилив вот-вот сорвет корабль. Но я больше всего любил поручения, которые приводили нас в таверны. Там усердно работали языки заядлых рассказчиков. Они готовы были поведать любому о путешествиях, открытиях, морях, с честью прошедших через ужасные бури, и о глупых капитанах, топивших корабли вместе со всей командой. Многое из всего

этого я знал наизусть, но больше всего я любил слушать не профессиональных рассказчиков, а самих моряков. Не истории, рассчитанные на всеобщее восхищение, а деловые сообщения или предупреждения, которые передавались от команды к команде за бутылкой бренди и буханкой желтого кукурузного хлеба.

Они говорили об уловах, о сетях, таких полных, что корабль почти тонул, или об удивительных рыбах и диковинных тварях, которых можно увидеть, только когда корабль пересекает дорожку света от полной луны. Были рассказы о поселках, разграбленных островитянами и на берегу, и на дальних островах нашего герцогства. Рассказы о пиратах, морских сражениях и кораблях, захваченных благодаря предательству кого-нибудь из членов команды. Самыми захватывающими были истории о пиратах красных кораблей, которые нападали не только на наши суда и города, но и на других островитян, вышедших в море. Некоторые смеялись при упоминании кораблей с красными киями и издевались над теми, кто говорил, что некоторые пираты нападают даже на собратьев по разбою.

Но Керри, я и Востронос сидели под столом, прижавшись спинами к ножкам и пощипывая сладкие булочки ценой в пенни, и с распахнутыми от восторга глазами слушали о красных кораблях, и о дюжинах тел, висевших на нок-реях, – не мертвых, а просто связанных, – и о том, как эти несчастные дергались и кричали, когда чайки слетали вниз, чтобы

клевать их. Мы слушали эти восхитительно жуткие истории, пока даже нас не пробирал озноб, несмотря на духоту, царившую в таверне, и тогда мы бежали вниз, в порт, чтобы заработать еще пенни.

Однажды Керри, Молли и я построили плот из плавника и с помощью шеста привели его под пристань. Мы привязали его там, и, когда начался прилив, он отбил целую секцию пристани и повредил две лодки. Несколько дней после этого мы боялись, что нас выведут на чистую воду. Как-то раз хозяин таверны выдрал Керри за уши и обвинил нас обоих в воровстве. Нашей мезьтью была селедка, привязанная под опорами стола. Она протухла и много дней воняла и привлекала мух, пока ее не нашли. Я многому научился: покупать рыбу, чинить сети, строить лодки и бездельничать. Кроме того, я еще больше узнал о человеческой натуре. Я начал определять на глаз, кто действительно заплатит обещанный пенни за доставленное послание, а кто только посмеется, если я потребую платы. Я знал, у кого из булочников можно выпросить что-нибудь поесть и из каких магазинов легче что-нибудь стащить. И все это время Востронос был со мной, мы так привязались друг к другу, что я уже редко полностью отделял свое сознание от его. Я пользовался его носом, его глазами, его челюстями так же свободно, как собственными, и никогда не думал, что это хоть сколько-нибудь опасно.

Так прошла большая часть лета. Но в один прекрасный день, когда солнце катилось по небу даже более синему, чем

море, моему везению пришел конец. Молли, Керри и я стащили хорошую связку печеночных колбасок из коптильни и удирали по улице от преследовавшего нас владельца. Востронос, как всегда, был с нами. Остальные ребята теперь принимали его как часть меня. Я не думаю, что им когда-нибудь приходило в голову удивляться единству наших сознаний. Мы были Новичок-и-Востронос, и они думали, что это просто благодаря хитрому фокусу мой четвероногий друг всегда знает, где надо находиться, чтобы поймать нашу добычу, прежде чем я успеваю ее бросить. И вот мы вчетвером бежали по разбитой улице и передавали колбаски из грязной руки в мокрую пасть и потом снова в руку, а у нас за спиной владелец орал и безуспешно пытался нас догнать.

И тут из какой-то лавки вышел Баррич. Я бежал прямо на него. Мы узнали друг друга одновременно и на миг оба растерялись. Мрачное выражение, появившееся на лице Баррича, не оставило у меня никаких сомнений о его намерениях. Я решил удрать, увернулся от его протянутых рук и метнулся в сторону – и, к собственному изумлению, таинственным образом угодил прямо в его объятия.

Не люблю вспоминать о том, что произошло дальше. Мне здорово влетело не только от Баррича, но и от возмущенного владельца колбасок. Все соучастники преступления, за исключением Востроноса, испарились в закоулках и щелях улицы. Востронос на животике подполз к Барричу, и его тоже отшлепали и выругали. Я в отчаянии смотрел, как Бар-

рич вынимает монеты из кошелька, чтобы заплатить колбаснику. Он продолжал крепко держать меня за ворот рубашки, так что я почти висел. Когда удовлетворенный колбасник удалился и маленькая толпа, собравшаяся поглазеть на мой позор, разошлась, Баррич меня отпустил. Я не понимал исполненного отвращения взгляда, который он бросил на меня. Отпустив наконец ворот моей рубашки, он приказал:

– Домой. Немедленно.

И мы с Востроносом отправились домой даже еще быстрее, чем удирали от колбасника. Мы улеглись на матрасик у очага и с трепетом стали ждать. И ждали, и ждали весь долгий день до самого вечера. Оба мы проголодались, но не смели уйти. Было в лице Баррича что-то гораздо более страшное, чем даже злоба отца Молли.

Когда Баррич пришел, была уже глубокая ночь. Мы слышали шаги на лестнице, и мне не потребовалось тонкое чутье Востроноса, чтобы понять, что Баррич пил. Мы прижались друг к другу, и он вошел в полутемную комнату. Дыхание его было тяжелым, и ему понадобилось больше времени, чем обычно, чтобы зажечь еще несколько свечек от той, которую поставил я. Сделав это, он тяжело опустился на скамейку и уставился на нас двоих. Востронос заскулил и повалился на бок в щенячьей мольбе. Мне хотелось сделать то же самое, но я только в страхе смотрел на своего опекуна. Через некоторое время Баррич заговорил:

– Фитц! Что с тобой происходит? Что происходит с нами

обоими? Ты, в чьих жилах течет королевская кровь, болтаешься по улицам в компании нищих воришек! Бегаешь со стаей, словно неразумная тварь!

Я молчал.

– Надо думать, я виноват не меньше тебя. Подойди сюда. Подойди, мальчик.

Я рискнул сделать два шага, но ближе подходить не хотел. При виде моей нерешительности Баррич нахмурился.

– У тебя что-нибудь болит, мальчик?

Я покачал головой.

– Тогда подойди сюда.

Я медлил, и Востронос тоже безнадежно заскулил.

Баррич озадаченно посмотрел на него. Я видел, как медленно, сражаясь с винным туманом, работает его мысль. Он переводил взгляд со щенка на меня, и горестное выражение появилось на его лице. Баррич покачал головой. Потом медленно встал и пошел прочь от стола и щенка, оберегая большую ногу. В углу комнаты была маленькая стойка, на которой лежали странные запыленные инструменты и другие предметы. Баррич медленно протянул руку и взял один из них. Он был сделан из дерева и кожи, задубевшей от долгого бездействия. Баррич взмахнул им, и короткий кожаный хлыст щелкнул по его ноге.

– Знаешь, что это такое, мальчик? – спросил он тихим добрым голосом.

Я молча покачал головой.

– Собачий хлыст.

Я без всякого выражения смотрел на него. Ни я, ни Востронос никогда не сталкивались ни с чем подобным и не знали, как на это реагировать. Баррич добродушно улыбался, и голос его по-прежнему был дружелюбным, но я чувствовал за этим какое-то ожидание.

– Это инструмент, Фитц. Учебное приспособление. Когда у тебя есть щенок, который не слушается, когда ты говоришь щенку: «Иди сюда», а щенок отказывается подойти – что ж, несколько хороших ударов этой штуки, и щенок учится подчиняться с первого раза. Всего несколько сильных ударов – все, что требуется, чтобы научить щенка слушаться. – Он говорил спокойно, опустив хлыст и позволив короткому ремню легко покачиваться над полом.

Ни Востронос, ни я не могли отвести от него глаз, и когда он внезапно бросил этот предмет Востроносу, щенок завизжал от ужаса, отскочил и быстро спрятался у меня за спиной.

И Баррич медленно опустился на скамейку у очага, прикрыв глаза рукой.

– О Эда!.. – выдохнул он не то проклятие, не то молитву. – Я догадывался. Я подозревал, когда видел, как вы бежали вместе, но, будь прокляты глаза Эля, я не хотел оказаться правым. Не хотел. Я никогда в жизни не бил щенка этой проклятой штукой. У Востроноса не было никакой причины бояться ее. Если только ты не делишься с ним своими мыслями.

Какая бы опасность нам ни грозила, я почувствовал, что она прошла. Я сел на пол рядом с Востроносом, и щенок тут же забрался ко мне на колени и начал возбужденно тыкаться носом мне в лицо. Я успокоил его, решив, что мы подождем и посмотрим, что будет дальше. Мальчик и щенок, мы сидели, глядя на неподвижного Баррича. Когда он наконец поднял голову, я был потрясен, поскольку он выглядел так, словно только что плакал. Как моя мать, подумал я тогда, но сейчас, как ни странно, я не могу вызвать этот образ.

– Фитц. Мальчик. Пойди сюда, – проговорил он мягко, и на этот раз в его голосе было что-то, чему нельзя было не подчиниться.

Я поднялся и подошел. Востронос топтался рядом со мной.

– Нет, – сказал Баррич щенку и указал ему на место у своих сапог, а меня поднял на скамейку.

– Фитц, – начал он и замолчал. Потом глубоко вздохнул и продолжил: – Фитц, это неправильно. Это плохо, очень плохо – то, что ты делал с этим щенком. Это противоестественно. Это хуже, чем красть или лгать. Это делает человека уже не человеком. Ты понимаешь меня?

Я тупо смотрел на него. Он вздохнул и попытался еще раз:

– Мальчик, ты королевской крови. Незаконнорожденный или нет, но ты родной сын Чивэла, продолжатель древней линии. А то, что ты делаешь, – неправильно. Это недостойно тебя. Ты понимаешь?

Я молча покачал головой.

– Вот видишь. Ты теперь молчишь. Отвечай мне. Кто научил тебя этому?

– Чему?

Мой голос был хриплым и скрипучим.

Глаза Баррича стали круглыми. Я видел, как он с трудом овладел собой.

– Ты знаешь, о чем я говорю. Кто научил тебя лезть в мысли к этому псу, видеть вещи вместе с ним и давать ему видеть с тобой, рассказывать друг другу обо всем?

Я обдумывал это некоторое время. Да, так оно все и было.

– Никто, – ответил я наконец. – Просто это случилось. Мы очень много были вместе, – добавил я, думая, что это может служить объяснением.

Баррич мрачно смотрел на меня.

– Ты говоришь не как ребенок, – заметил он внезапно. – Но я слышал, что так оно и бывает с теми, у кого есть древний Дар. С самого начала они не похожи на настоящих детей. Они всегда знают слишком много, а когда становятся старше, то знают еще больше. Вот почему в прежние дни никогда не считалось преступлением преследовать их и сжигать. Понимаешь, о чем я, Фитц?

Я покачал головой и, когда он нахмурился, заставил себя добавить:

– Но я пытаюсь. Что такое древний Дар?

На лице Баррича появилось недоверие, потом подозри-

тельность.

– Мальчик... – угрожающе начал он, но я только смотрел на него.

Через мгновение он уступил моему невежеству.

– Древний Дар, – начал он медленно, лицо его потемнело, и он смотрел на свои руки, как бы вспоминая старый грех, – это власть звериной крови, которая, как и Сила, передается по королевской линии. Поначалу она кажется редким талантом, поскольку дает способность понимать животных. Но потом она овладевает тобой и затягивает, и ты сам превращаешься в животное. В конце концов в тебе не остается ничего человеческого, и ты бегаешь, высунув язык, и пробуешь вкус крови, как будто никогда не знал ничего, кроме стаи. И тогда ни один человек, посмотрев на тебя, не подумает, что ты когда-то был человеком. – Его голос становился все тише и тише. Баррич больше не смотрел на меня, он отвернулся к огню и глядел в угасающее пламя. – Некоторые говорят, что тогда человек принимает облик зверя, но убивает не ради пропитания, а так, как убивают люди. Для того, чтобы убивать.

Ты этого хочешь, Фитц? – продолжал он. – Чтобы королевская кровь в твоих жилах смешалась с кровью дикой охоты? Стать обычным зверем среди других таких же зверей, только ради крупиц знаний, которые это тебе принесет? А ты понимаешь, что запах крови овладеет тобой и вид добычи закроет тебе путь назад в твои мысли? – Голос его стал еще

тише, и я слышал горечь, которую он чувствовал, задавая мне эти вопросы. – И ты проснешься в поту и в лихорадке, потому что где-то загуляла сука и твой товарищ учуял это, – это ты хочешь принести в постель своей леди?

Я сидел рядом с ним, очень маленький.

– Не знаю, – еле слышно промолвил я.

Он повернулся ко мне, оскорбленный, и зарычал:

– Ты не знаешь? Я рассказал тебе, к чему это приведет, а ты говоришь, что не знаешь?

У меня пересохло во рту, Востронос сжался у моих ног.

– Но я правда не знаю, – попытался я возразить. – Откуда я могу знать, что будет, пока не сделал этого?

– Если ты не знаешь, то я знаю! – взревел Баррич, и теперь я в полной мере ощутил, какую ярость подавлял он все это время и как много он выпил в эту ночь. – Щенок уйдет, а ты останешься. Ты останешься здесь на моем попечении, где я могу не спускать с тебя глаз. Раз Чивэл не хочет, чтобы я ехал к нему, это самое меньшее, что я могу для него сделать. Я позабочусь о том, чтобы его сын вырос человеком, а не волком. Я сделаю так, даже если это убьет нас обоих!

Он нагнулся, чтобы схватить Востроноса за шиворот. По крайней мере, таково было его намерение. Но щенок и я отскочили от него. Вместе мы кинулись прочь из комнаты, но засов был задвинут, и, прежде чем я смог открыть дверь, Баррич догнал нас. Востроноса он отбросил сапогом, а меня схватил за плечо и отпихнул от двери.

– Иди сюда, щенок, – велел он, но Востронос бросился ко мне.

Баррич стоял у дверей, красный и задыхающийся, и я поймал какой-то тайный ток его мыслей – ярость, которая искала его раздавить нас обоих и покончить с этим. Он сдерживал гнев, но мне довольно было мимолетного прикосновения к его разуму, чтобы впасть в панику. И когда Баррич бросился на нас, *яоттолкнул* его со всей силой моего страха.

Он упал внезапно, как птица, сбитая стрелой в полете, и некоторое время сидел на полу. Я встал и прижал Востроноса к себе.

Баррич медленно мотнул головой, будто стряхивал с волос капли дождя. Потом встал, нависая над нами.

– Это в его крови, – донеслось до меня его бормотание. – В его проклятой материнской крови. И нечего тут удивляться. Но мальчишку надо проучить. – И потом, глядя мне прямо в глаза, он предупредил меня: – Фитц, никогда больше не поступай так со мной. Никогда. А теперь дай мне этого щенка.

Он снова двинулся на нас, и, опять ощутив вспышку его скрытой ярости, я не смог сдержаться. Я еще раз *оттолкнул* его. Но на этот раз моя защита встретилась со стеной, которая вернула мне удар, так что я споткнулся и упал, едва не потеряв сознания. Тьма накрыла меня. Баррич стоял надо мной.

– Я предупреждал тебя, – проговорил он тихо, и голос его звучал как рычание волка.

Я еще успел почувствовать, как его пальцы схватили Востроноса за шиворот. Бережно, вовсе не грубо, он поднял щенка и понес к двери. Не подчинившийся мне засов легко поддался Барричу, потом я услышал, как тяжелые сапоги моего опекуна застучали по лестнице.

Я тут же опомнился, вскочил на ноги и бросился на дверь. Но Баррич, должно быть, запер ее снаружи, потому что я только безнадежно царапал засов. Я чувствовал Востроноса все слабее, по мере того как его уносили все дальше и дальше, оставляя мне взамен отчаянное одиночество. Я хныкал, потом взвыл, царапаясь в дверь и пытаясь вернуть контакт с другом. Потом была внезапная вспышка красной боли, и Востронос исчез. Все его собачьи чувства полностью покинули меня, я кричал и плакал, как делал бы на моем месте всякий другой шестилетка, и бессильно колотил по деревянным доскам. Казалось, прошли часы, прежде чем Баррич вернулся. Я услышал его шаги и поднял голову, лежа в изнеможении на дверном пороге. Он открыл дверь и ловко поймал меня за ворот рубашки – я попытался проскочить мимо него. Он втолкнул меня обратно в комнату, захлопнул дверь и снова запер ее. Я без слов бросился на дверь, слезы подступали к горлу. Баррич устало сел.

– Забудь об этом, мальчик, – предостерег он меня, как будто мог слышать рождавшиеся в моей голове безумные планы о том, что я буду делать, когда он выпустит меня в следующий раз. – Его нет. Щенка нет, и это проклятие и позор, по-

тому что он был хорошей крови. Его родословная была почти такая же длинная, как твоя. Но лучше потерять собаку, чем человека. — Я не пошевелился, и он добавил почти ласково: — Перестань думать о нем. Тогда будет не так больно.

Но я не мог перестать. Я слышал по голосу Баррича, что на самом деле он и не ждет этого от меня. Он вздохнул и начал потихоньку готовиться ко сну. Он больше не разговаривал со мной, только погасил лампу и устроился на своей постели. И он не спал, и до утра все еще оставались часы, когда он встал, поднял меня с пола и положил на теплое место, которое его тело нагрело в одеялах. Он снова ушел и некоторое время не возвращался. Что же до меня, то я смертельно тосковал, и лихорадка трепала меня несколько дней. Баррич, наверное, сказал всем, что у меня какая-то детская болезнь, и меня оставили в покое. Прошло много дней, прежде чем мне снова разрешили выйти, и тогда я уже не был свободен.

Потом Баррич принял меры, чтобы у меня не было никаких шансов привязаться к какому-нибудь животному. Несомненно, он думал, что преуспел в этом, и в какой-то степени это было так, то есть я не мог почувствовать никакой особенной связи с собакой. Я знаю, что он желал мне добра. Но я чувствовал себя не под защитой, а в заключении. Баррич был надзирателем, который следил за моей изоляцией с упорством фанатика. Именно тогда зерна одиночества упали в мою душу и пустили там глубокие корни.

Глава 3

Договор

Настоящие истоки Силы, вероятно, всегда будут покрыты тайной. Конечно, склонность к ней особенно проявляется в королевской семье, хотя и не ограничивается только ею. Судя по всему, есть доля истины в народной поговорке: «Когда морская кровь сливается с кровью равнин, расцветает Сила». Островитяне, по-видимому, не имеют предрасположенности к Силе, так же как и люди, среди предков которых были только коренные жители Шести Герцогств.

Все в мире ищет ритма и в ритме находит покой, – вероятно, это в природе вещей... Во всяком случае, мне всегда казалось, что это так. Все события – не важно, катастрофические или просто странные – разбавлены рутиной нормального течения жизни. Люди, бродящие по полю отгремевшей битвы в поисках раненых среди мертвецов, все же останавливаются, чтобы откашляться или высморкаться, и поднимают голову, слыша крик клина диких гусей. Я видел крестьян, которые продолжали пахать и сеять, невзирая на армии, бьющиеся всего в нескольких милях.

Так было и со мной. Я оглядываюсь назад и удивляюсь. Разлученный со своей матерью, брошенный в новый город и

в чужую страну, оставленный моим отцом на попечение этого человека и лишенный моего четвероногого друга, я тем не менее в один прекрасный день встал с постели и вернулся к жизни маленького мальчика. Для меня это означало: подняться, когда Баррич разбудит меня, и последовать за ним в кухню, где я ел под его присмотром. После этого я становился тенью Баррича. Он редко выпускал меня из виду. Я, как собака, ходил за ним по пятам, наблюдая за его работой и по возможности помогая ему в разных мелочах. Вечером был ужин, когда я сидел рядом с ним на скамейке и ел, а Баррич пристально следил за моими манерами. Потом мы поднимались наверх, в его комнату. Там я проводил остаток вечера, молча глядя в огонь, пока он пил, или в ожидании его возвращения. Если он не пил, то работал – чинил или мастерил сбруи, смешивал мази, составлял снадобья для лошадей. Он работал, и я научился наблюдать за ним, хотя, насколько я помню, мы произносили не много слов. Теперь странно думать, что таким образом прошли два года – и большая часть третьего.

Я научился, как это приходилось делать Молли, выкраивать тайком немного времени, когда Баррича звали на охоту или помочь ожеребиться кобыле. Несколько раз за долгое время я отваживался ускользнуть, когда он выпивал больше, чем следовало, но это были рискованные отлучки. Если мне удавалось вырваться в город, я бросался на поиски своих юных товарищей и бегал с ними столько, сколько смел.

Мне так не хватало Востроноса, как будто Баррич отрезал кусочек моего собственного тела. Но больше мы об этом никогда не говорили.

Оглядываясь назад, я думаю, что он был так же одинок, как и я. Чивэл не позволил Барричу последовать за ним в изгнание. Вместо этого его главный конюший должен был заботиться о безымянном бастарде и обнаружил у этого незаконнорожденного склонность к тому, что считал извращением. И после того как его нога зажила, он понял, что никогда не сможет ездить верхом, охотиться и даже ходить так, как прежде. Все это, очевидно, было тяжелым испытанием для такого человека, как Баррич. Я никогда не слышал, чтобы он жаловался кому-нибудь, но, вспоминая то время, не могу представить, с кем он мог бы разделить горести. Мы оба были заперты в одиночестве, и каждый вечер, когда мы смотрели друг на друга, каждый из нас видел виновника своего одиночества.

Тем не менее все проходит, особенно время, и с течением месяцев, а тем более лет, я постепенно нашел подходящую для себя нишу в окружающем меня мире. Я прислуживал Барричу, принося ему вещи прежде, чем он собирался попросить об этом, и убирал после того, как он лечил животных. Я следил, чтобы у ястребов всегда была чистая вода, и выискивал клещей у собак, вернувшихся домой с охоты. Люди привыкли ко мне и больше не главели на меня. Некоторые, казалось, и вовсе меня не замечали. Постепенно Бар-

рич ослабил надзор. Я свободно уходил и возвращался, но по-прежнему старался, чтобы он не знал о моих походах в город.

В крепости были другие дети, многие из них примерно моего возраста. Некоторые даже приходились мне родственниками – троюродными или седьмой водой на киселе. Но ни с кем из них я так никогда и не сошелся. Младшие были под присмотром матерей или нянек, у старших всегда находились неотложные дела. Большинство из них не были жестоки ко мне – просто я не принадлежал к их кругу. И хотя я мог месяцами не видеть Дирка, Керри или Молли, ребята из города оставались моими ближайшими друзьями. Зимними вечерами, когда все собирались в Большом зале послушать менестрелей или посмотреть кукольные представления, и во время ознакомительных прогулок по замку я быстро научился понимать, где мне рады, а где нет.

Я старался не попадаться на глаза королеве, потому что всякий раз, глянув на меня, она находила какую-нибудь оплошность в моем поведении и пеняла за это Барричу. Регал тоже был источником опасности. Будучи почти взрослым мужчиной, он не стеснялся столкнуть меня с дороги или нарочно наступить на то, с чем я играл. Ему были свойственны мелочность и мстительность, которых я никогда не замечал в Верити. Не то чтобы Верити занимался со мной, но наши случайные встречи никогда не были неприятными. Если он замечал меня, то ерошил мне волосы или давал пенни. Од-

нажды слуга принес в комнаты Баррича деревянные игрушки – солдатиков, лошадку и повозку, с которых сильно облезла краска, – с сообщением, что Верити нашел их в углу своего платяного шкафа и подумал, что, возможно, они придутся мне по душе. По-моему, никогда в жизни у меня не было ничего своего, чем я дорожил бы больше, чем этими игрушками.

Коба, мальчика-псаря, тоже следовало опасаться. Если Баррич был поблизости, Коб разговаривал и обращался со мной ровно и справедливо, но в другое время не находил мне дел. Он ясно дал понять, что не хочет, чтобы я вертелся у него под ногами, пока он работает. Постепенно я сообразил, что он ревнует Баррича ко мне, чувствуя, что забота обо мне вытеснила интерес к нему. Коб никогда не был откровенно жесток и никогда не обращался со мной несправедливо, но я чувствовал его неприязнь и избегал его.

Все солдаты относились ко мне с большой терпимостью. После уличных детей города Баккипа они, вероятно, более всего подходили под определение моих друзей. Но как бы терпимы ни были мужчины к мальчику девяти или десяти лет от роду, у них очень мало общего. Я смотрел, как они играют в кости, и слушал их рассказы, но на каждый час, который я проводил в их обществе, приходились целые дни, в которые я вообще их не видел. И хотя Баррич никогда не запрещал мне бывать в караульной, он не мог скрыть, что не одобряет такого времяпрепровождения. Таким образом,

я и был и не был членом сообщества замка. Одних людей я избегал, за другими наблюдал, третьим подчинялся – но ни с кем я не чувствовал близости.

Потом, в одно прекрасное утро, все еще немного стеснясь своих десяти лет, я играл в Большом зале, кувыркаясь со щенками. Было очень рано. Накануне произошло какое-то важное событие, празднование длилось целый день и затянулось далеко за полночь. Баррич напился до бесчувствия. Почти все, и господа, и слуги, всё еще были в постели, и на кухне поживиться было почти нечем. Но столы в Большом зале ломились от недоеденных сладостей и жаркого. И еще там были вазы с апельсинами, круги сыра – короче, все, о чем мог мечтать мальчик, давал грабительский набег. Большие собаки уже расхватали лучшие кости и разошлись по углам зала, предоставив щенкам подбирать меньшие кусочки. Я взял со стола немного паштета, залез под стол и поделил пиршество с избранными фаворитами среди щенков. Со времени исчезновения Востроноса я всегда старался не дать Барричу повода заподозрить меня в привязанности к какому-нибудь одному щенку. Я все еще не понимал, почему он препятствует этому, но не спрашивал его, чтобы не поставить под удар щенка. Итак, я делил свой паштет с тремя щенками, когда услышал медленные шаги, шуршащие по устланному тростником полу. Два человека негромко что-то обсуждали.

Я подумал, что это кухонные слуги пришли убирать со столов, и вылез из своего укрытия, чтобы перехватить еще

чего-нибудь вкусенького, прежде чем все унесут. Но при моем появлении вздрогнул не слуга, а старый король, мой дедушка, собственной персоной. Чуть позади него, держа отца под локоть, шел Регал. Его тусклые глаза и помятый камзол свидетельствовали об участии во вчерашнем разгуле. За монархом и принцем семенял новый, лишь недавно принятый на должность шут короля. Наряд шута был сшит из черных и белых лоскутов, кожа его была бледной, как тесто, а глаза – блеклые, почти бесцветные. Он выглядел так странно и нелепо, что я невольно избегал смотреть на него. По контрасту с шутком и невыспавшимся Регалом король Шрюд выглядел великолепно. Глаза его блестели, борода и волосы были аккуратно причесаны, одежда казалась безупречной. Быстро справившись с минутной растерянностью, вызванной моим неожиданным появлением, он сказал:

– Видишь, Регал, все – как я тебе и говорил. Предоставляется удобный случай, и кто-то этим пользуется – часто это кто-то молодой, движимый энергией и голодом юности. Члены королевской семьи не могут позволить себе пренебрегать такими возможностями или дать другим использовать их.

Король прошел мимо меня, развивая тему, в то время как Регал бросил на меня уничтожающий взгляд налитых кровью глаз. Мановением руки он велел мне исчезнуть. Я кивнул, но, прежде чем выполнить приказ, метнулся к столу. Я запихнул в карман камзола два яблока и подхватил почти нетронутый пирог с крыжовником, когда король внезапно

обернулся и поманил меня. Шут передразнил его. Я замер там, где стоял.

– Посмотри на него, – приказал король. Регал злобно глянул на меня, но я не смел пошевелиться. – Ну, что ты из него сделаешь?

Регал продемонстрировал полное недоумение.

– Из него? Это же Фитц, бастард Чивэла. Как всегда, таскает потихоньку.

– Дурак. – Король Шрюд улыбался, но глаза его оставались жесткими. Шут, решивший, что обращаются к нему, с готовностью улыбнулся. – Ты что, уши воском залепил? Ты не слышишь ничего, что я говорю? Я не спрашиваю тебя, что ты о нем думаешь, я спрашиваю, что ты из него сделаешь? Вот он стоит – молодой, сильный и многообещающий. Его кровь не менее королевская, чем у тебя. Разница только в том, что он родился не с той стороны простыни. Так что ты из него сделаешь? Орудие? Оружие? Соратника? Врага? Или оставишь валяться, чтобы кто-нибудь другой подобрал и использовал его против тебя?

Регал, прищурившись, посмотрел на меня, потом огляделся, обнаружил, что в зале больше никого нет, и снова бросил на меня озадаченный взгляд. У моих ног заскулил щенок, напоминая, что мы только что вместе закусывали. Я предупредил его, чтобы он замолчал.

– Этот бастард? Он только ребенок.

Старый король вздохнул:

– Сегодня. Этим утром и сейчас он ребенок. Когда ты вспомнишь о нем в следующий раз, он окажется юношей или, что еще хуже, мужчиной – и тогда будет уже поздно что-то делать. Ты опоздаешь. Но возьми его сейчас, Регал, и направь его рост в нужную тебе сторону – тогда через десять лет в твоём распоряжении будет его верность. Вместо недовольного бастарда, который всегда сможет выступить в роли претендента на трон, он станет союзником, связанным с королевской семьей не только кровью, но и душой. Бастард, Регал, уникальное создание. Надень на него кольцо с королевской печатью – и ты создашь дипломата, которым не посмеет пренебречь ни один иностранный правитель. Его спокойно можно послать туда, куда опасно отправлять принца крови. Вообрази только, как полезен может быть человек, который принадлежит и в то же время не принадлежит к королевской семье. Обмен заложниками. Брачные альянсы. Секретная работа. Дипломатия кинжала.

При последних словах глаза Регала округлились. Некоторое время мы все тяжело дышали, молча глядя друг на друга. Когда Регал заговорил, его голос звучал так, как будто у него в горле застрял кусок черствого хлеба.

– Ты говоришь обо всем этом при мальчике? О том, чтобы использовать его как... Думаешь, он не припомнит твои слова, когда вырастет?

Король засмеялся, и этот звук зазвенел, отлетая от каменных стен Большого зала.

– Припомнит? Конечно припомнит. Я на это и рассчитываю. Посмотри в его глаза, Регал. В них ум и, возможно, даже склонность к Силе. Я был бы невероятно глуп, если бы попытался солгать ему, и еще более глуп, если бы начал его обучение без всякого объяснения. Не следует оставлять его сознание открытым для тех семян, которые там могут посеять другие. Не так ли, мальчик?

Он все время смотрел на меня, и я внезапно понял, что выдерживаю его взгляд. Пока он говорил, наши взгляды были скрещены и мы читали мысли друг друга. В глазах этого человека, который приходился мне дедом, светилась безупречная честность. От такой предельной честности становилось не по себе, но зато я знал, что всегда смогу рассчитывать на нее. Я медленно кивнул.

– Подойди сюда, – велел король.

Я осторожно шагнул к нему. Когда я подошел, дед опустился на одно колено, чтобы смотреть мне прямо в глаза. Шут торжественно встал на колени около нас, переводя серьезный взгляд с одного лица на другое. Регал свирепо смотрел на всех нас с высоты своего роста. В то время я совершенно не улавливал иронии того, что старый король оказался на коленях перед незаконнорожденным внуком, так что я торжественно стоял, когда он взял пирог из моей руки и бросил его щенкам, пришедшим вместе со мной. Король вынул булавку из шелковых складок у шеи и торжественно проколол ею простую шерстяную ткань моей рубашки.

– Теперь ты мой, – сказал он, и это заявление было для меня гораздо важнее, чем вся кровь, текущая по нашим жилам. – Тебе незачем теперь подбирать объедки – я буду содержать тебя и буду делать это хорошо. Если какой-нибудь мужчина или женщина когда-нибудь захочет обратить тебя против меня, предлагая тебе больше, чем я, – приходи, расскажи мне об этом, и я обдумаю твои слова. Тебе не придется жаловаться на мою скупость, и если тебе вздумается предать меня, ты не сможешь объяснить это тем, что с тобой здесь дурно обращались. Ты мне веришь, мальчик?

Я кивнул, по старой привычке – молча, но карие глаза короля требовали большего.

– Да, сир.

– Хорошо. Я отдам несколько распоряжений относительно тебя. Надеюсь, у тебя не будет возражений. Если некоторые из них покажутся тебе странными, поговори с Барричем. Или со мной. Просто подойди к двери моей комнаты и покажи эту булавку. Тебя впустят.

Я посмотрел вниз, на красный камешек, лежавший в серебряном ложе.

– Да, сир, – снова выдавил я.

– Ага, – сказал он тихо.

Я почувствовал ноту сожаления в его голосе и подумал: о чем это он? Взгляд короля отпустил меня, и внезапно я снова стал видеть все, что меня окружало: Большой зал, щенков и Регала, наблюдающего за мной с отвращением на лице,

и шута, с энтузиазмом кивающего в своем бессмысленном подражании. Потом король встал. Когда он отвернулся, меня пронзил холод, как будто я внезапно сбросил плащ. Это был мой первый опыт общения с Силой в руках мастера.

– Ты ведь меня не одобряешь, Регал? – тон короля был тоном доброжелательного приглашения к беседе.

– Мой король может делать все, что пожелает. – это было сказано сердито.

Король Шрюд вздохнул:

– Ты не ответил на вопрос.

– Моя мать, королева, безусловно, не одобрит. Ваша благосклонность к мальчику будет выглядеть так, как будто вы признали его. Это может внушить ему всякие мысли – и другим тоже.

– Тьфу. – Король хихикнул, словно сказанное позабавило его.

Регал мгновенно вышел из себя:

– Моя мать, королева, не согласится с вами. Она будет недовольна. Моя мать...

– Она не соглашается со мной и недовольна мной уже несколько лет. Я уже почти перестал замечать это, Регал. Она будет хлопать крыльями и кудяхтать и снова угрожать мне, что вернется в Фарроу и будет там герцогиней, а ты – герцогом после нее. А если очень рассердится, то сообщит мне, что, если она это сделает, Тилт и Фарроу поднимут восстание и станут отдельным королевством, а она будет там коро-

левой.

– А я – королем после нее! – вызывающе добавил Регал.

Шрюд кивнул, как бы в ответ на собственные мысли.

– Я так и знал, что она заразила тебя чем-то подобным. Слушай, мальчик. Она может ругаться и швырять посуду в слуг, но больше ничего. Ей прекрасно известно, что лучше быть королевой мирного королевства, чем герцогиней восставшего герцогства. И у Фарроу нет никаких причин восставать против меня, кроме тех, которые она сама придумала. Ее амбиции всегда превышали ее возможности. – Он замолчал и посмотрел прямо на Регала. – Это ее самая плачевная ошибка.

Регал смотрел в пол. Я чувствовал его с трудом сдерживаемую ярость, волны гнева исходили от него.

– Пойдем, – сказал король, и принц побрел за ним, послушный, как собака, но взгляд, который он бросил на меня, был полон яда.

Я стоял и смотрел, как старый король выходит из зала, и чувствовал отголоски потери. Станный человек. Хотя я был бастардом, он мог объявить себя моим дедом и одним этим словом получил бы то, что было дороже всяких денег. У дверей задержался бледный шут. Мгновение он смотрел на меня, потом сделал непонятный жест узкими ладонями – это могло быть и оскорблением, и благословением. Или просто бессмысленным взмахом рук дурака. Потом он улыбнулся, показал мне язык и повернулся, чтобы поспешить за Шрю-

дом.

Несмотря на обещание короля, я засунул себе за пазуху массу сладких пирожных и разделил их со щенками в сарае за конюшней. Этот завтрак превосходил все, к чему мы были привычны, и мой желудок горестно бормотал еще много часов спустя. Щенки свернулись калачиками и заснули, а я колебался между страхом и ожиданием. Я почти надеялся, что ничего не произойдет, что король забудет о своих словах. Но он не забыл.

Поздно вечером я наконец вскарабкался по ступеням в комнату Баррича. Я провел день, размышляя о том, что будет значить для меня утренний договор. Но мог бы не утруждаться. Потому что, когда я вошел, Баррич отложил сбрую, которую чинил, и обратил все внимание на меня. Некоторое время он молча рассматривал меня, а я смотрел на него. Что-то изменилось, и я боялся. Потому что, с тех пор как исчез Востронос, я верил, что Баррич мог так же легко распорядиться и моей жизнью. Бастард может быть уничтожен так же просто, как и щенок. Это не мешало мне чувствовать некое родство с ним; необязательно любить кого-то, чтобы привязаться к нему. Вера в Баррича была моей единственной опорой, и теперь я чувствовал, как она колеблется подо мной.

– Так, – заговорил он наконец, и слово это прозвучало приговором. – Так. Значит, тебе надо было попасться ему на глаза? Надо было обратить на себя внимание? Что ж. Он решил, что с тобой делать.

Баррич вздохнул, но теперь молчание было другим. Некоторое время мне даже казалось, что он жалеет меня. Потом он заговорил снова:

– Завтра я должен выбрать тебе лошадь. Он хотел, чтобы это была молодая лошадь и чтобы я тренировал бы тебя и одновременно приучал к седлу животное. Но я уговорил его, чтобы ты начал со скотинкой постарше и поспокойнее. Мне хватит одного ученичка зараз, сказал я ему. Но у меня есть причины сажать тебя... на менее впечатлительную лошадь. Посмотрю, как ты будешь себя вести. Я почувствую, если ты только попробуешь снова приняться за свое. Мы понимаем друг друга?

Я быстро кивнул.

– Отвечай, Фитц. Тебе придется пользоваться языком, если ты будешь иметь дело с учителями и наставниками.

– Да, сир.

Это было так похоже на Баррича. Больше всего его волновало то, что придется доверить мне лошадь. Первым делом обсудив собственные заботы, он объявил остальное довольно равнодушно:

– Теперь встаем с восходом, мальчик. Утром будешь учиться у меня. Ухаживать за лошадей и управлять ею. И как правильно охотиться с собаками, и как заставить их слушаться. Я тебе покажу, как добрые люди управляют с животными. – Последнюю фразу он подчеркнул и немного помолчал, дабы убедиться в том, что я его понял.

Сердце мое упало, я кивнул было, но тут же поправился на: «Да, сир».

– После полудня тебя заберут. Будешь махать мечом и всякое такое. Может быть, Сила тоже. В зимние месяцы будешь учиться в комнатах. Языки и буквы. Писать, считать, и цифры тоже, наверное. История. Что ты будешь со всем этим делать – понятия не имею. Но уж постарайся учиться так, чтобы король был доволен. Он не из тех, кого стоит раздражать, а уж тем более сердить. Умнее всего вести себя так, чтобы он тебя не замечал. Я не предупредил тебя об этом, а теперь слишком поздно. – Он внезапно откашлялся и глубоко вздохнул. – Да, и еще кое-что изменится с завтрашнего дня. – Он взял кусок кожи, с которой работал, и склонился над ним. Казалось, он разговаривает со своими пальцами, а не со мной. – У тебя теперь будет настоящая комната, своя собственная. Наверху, в замке, там, где спят все благородные. Ты бы и сегодня спал там, если бы потрудился прийти вовремя.

– Что? Я не понял. Комната?

– О, значит, ты можешь быстро отвечать, когда захочешь? Ты все прекрасно расслышал, мальчик. У тебя будет собственная комната наверху в замке. – Он помолчал, потом с чувством продолжал: – Я наконец-то буду сам по себе. Ах да, и еще с тебя завтра снимут мерку для костюма. И сапог. Хотя какой смысл надевать сапог на ногу, которая все еще растет, я не...

– Я не хочу комнату там, наверну.

Какой бы гнетущей ни была жизнь с Барричем, я внезапно понял, что она все равно лучше неизвестности. Я представил себе большую холодную каменную комнату с тенями, затаившимися в углах.

– Ну что ж, и все же ты ее получишь, – безжалостно заявил Баррич. – Время для этого настало, и уже давно. Ты крови Чивэла, хоть и незаконнорожденный. И держать тебя в конюшне, как приبلудного щенка, это просто... просто никуда не годится.

– Мне все равно, – в полном отчаянии осмелился произнести я.

Баррич поднял глаза и строго посмотрел на меня:

– Болтливы мы сегодня, да?

Я опустил глаза, уходя от его взгляда.

– Ты живешь внизу, – заметил я мрачно, – ты не приبلудный щенок.

– Но я и не бастард королевской крови, – отрубил он. – Теперь ты живешь в замке, Фитц, и точка.

Я осмелился взглянуть на него. Баррич снова разговаривал со своими пальцами.

– Лучше быть приبلудным щенком, – проговорил я. И все мои страхи прорвались наружу, заставив мой голос задрожать, когда я добавил: – Ты не позволил бы им сделать это с приبلудным щенком. Изменить все так сразу. Когда они отдали щенка бладохунда лорду Гримбси, ты послал с ним

свою старую рубашку, чтобы у него было что-то, что пахнет домом, пока он не привыкнет.

– Что ж, – проговорил он, – я не... Пойди сюда, Фитц. Пойди сюда, мальчик.

И, как щенок, я подошел к Барричу, единственному хозяину, который у меня был, и он легонько похлопал меня по спине и взъерошил мне волосы, почти как если бы я был собакой.

– Ну, не бойся. Бояться нечего. Во всяком случае, – его голос потеплел, – они только сказали, что ты получишь комнату наверху. Никто не говорил, что ты должен спать там каждую ночь. В некоторые ночи, если тебе будет не по себе, ты можешь найти дорогу сюда, вниз. А, Фитц? Так будет легче?

– Наверное, – пробормотал я.

В следующие две недели перемены посыпались на меня дождем. Баррич поднял меня на рассвете. Он тщательно вымыл меня и подрезал мне волосы так, чтобы они не лезли в глаза, а остальные собрал в «конский хвост» на затылке – такую прическу носили взрослые, которых я встречал в замке. После этого Баррич велел мне одеться в лучшую одежду и пощелкал языком, увидев, как мала она мне стала. Потом пожал плечами и сказал, что придется обойтись тем, что есть.

В конюшне он показал мне кобылу, которая теперь стала моей. Она была серой масти с размытыми яблоками. Ее гри-

ва, хвост, морда и чулки были черными, как будто она извалялась в саже. Имя у кобылы было подходящее – Уголек. Это было спокойное животное, хорошо сложенное и ухоженное. Менее капризную лошадь трудно себе представить. Я по-мальчишески надеялся заполучить хотя бы резвого мерина, но вместо этого моей лошадью стала Уголек. Я попытался скрыть разочарование, но Баррич, видимо, почувствовал его.

– Думаешь, не больно-то она хороша, верно? Ну а сколько лошадей у тебя было вчера, Фитц, что ты воротишь нос от такой послушной умницы, как Уголек? Она носит жеребенка от этого шалого жеребца лорда Темперанса, так что смотри обращай с ней осторожно. До сих пор ее объезжал Коб; он надеялся сделать из нее лошадь для охоты. Но я решил, что она лучше подойдет тебе. Он немного огорчен этим, но я обещал ему, что он получит жеребенка.

Баррич приспособил мне старое седло и поклялся: что бы там ни говорил король, нового я не получу, пока не покажу себя хорошим наездником. Уголек хорошо слушалась поводьев, у нее был очень ровный шаг. Она прошла хорошую выучку у Коба. Ее ум и темперамент напоминали мне тихое озеро. Если она и думала о чем-то, то только не о том, что мы делали, а проникнуть в ее мысли я не рискнул – слишком уж пристально Баррич за мной следил. Так что я ехал на ней вслепую, общаясь с лошадью только посредством собственных коленей, поводьев и перемещения своего веса. Это было

тяжело физически, и я устал задолго до того, как окончился мой первый урок. Баррич знал это. Но это не означало, что он разрешил мне не почистить и не накормить лошадь и не привести в порядок мое седло и снаряжение. И только когда грива Уголька была тщательно расчесана и старая кожа седла блестела от масла, мне наконец было позволено позавтракать самому.

Но когда я метнулся к задней двери кухни, на мое плечо опустилась тяжелая ладонь Баррича.

– Этого больше не будет, – сказал он твердо. – Это годится для солдат, садовников и прочих. Есть зал, где едят благородные господа и их личные слуги. И теперь ты будешь есть там.

И, сказав это, он втолкнул меня в темную комнату, где господствовал длинный стол. Во главе этого стола стоял еще один, повыше. Столы ломились от самых разнообразных яств, вокруг сидело множество людей на разных стадиях трапезы. Потому что, когда король, королева и принцы не присутствовали за высоким столом, как сегодня, никто не придерживался этикета. Баррич подтолкнул меня к месту по левому краю стола, чуть ближе к его середине. Сам он ел с той же стороны, но дальше от королевских мест. Я был голоден, и никто не смотрел на меня достаточно пристально, чтобы я почувствовал себя не в своей тарелке, так что я быстро справился с обильным завтраком. Еда, которую я воровал на кухне, была горячее и свежее, но такие мелочи не много зна-

чат для растущего мальчика, и я хорошо подкрепился после долгого голодного утра. Набив живот, я начал подумывать о некой песчаной насыпи, прогретой послеполуденным солнцем и усыпанной кроличьими норами, где щенки и я часто проводили сонные послеобеденные часы. Я начал вставать из-за стола, но неожиданно у меня за спиной оказался незнакомый мальчик.

– Господин?

Я оглянулся, чтобы понять, с кем он разговаривает, но все остальные склонились над тарелками. Мальчик был выше меня и старше на несколько лет, так что я удивленно смотрел на него снизу вверх, когда он, глядя мне прямо в глаза, повторил:

– Господин? Вы уже закончили трапезу?

Я наклонил голову, слишком удивленный даже для того, чтобы говорить.

– Тогда вы должны пойти со мной. Меня послали за вами. На площадке для упражнений с оружием вас ожидает Ходд. Если, конечно, ваши уроки у Баррича на сегодня уже окончены.

Баррич внезапно появился рядом и изумил меня, опустившись передо мной на одно колено. Он одернул мой камзол и пригладил волосы со словами:

– Похоже, на сегодня окончены. Не смотри так удивленно, Фитц. Неужели ты думал, что король не хозяин своему слову? Вытри рот и шагай. Ходд более строгий учитель, чем

я. Опоздания недопустимы, так что давай поторапливайся. Брант ответит тебя.

С упавшим сердцем я повиновался. Следуя за мальчиком, я пытался вообразить наставника более строгого, чем Баррич. Даже думать об этом было страшно.

Выйдя из зала, мальчик быстро отбросил изысканные манеры.

– Как тебя зовут? – спросил он, пока мы шли по покрытой гравием дорожке к тренировочным площадкам.

Я пожал плечами и отвернулся, делая вид, что испытываю интерес к кустарнику, окаймляющему дорожку.

Брант понимающе фыркнул:

– Ну, должны же тебя как-то звать. Как тебя зовет этот колченогий старик?

Откровенное пренебрежение мальчика к Барричу так удивило меня, что я выпалил:

– Фитц. Он зовет меня Фитц.

– Фитц? – Послышалось тихое ржание. – Да, это он может. На язык-то он острый, старый кривоног.

– Ему кабан ногу покалечил, – объяснил я.

Мальчик говорил так, словно хромота Баррича была какой-то глупостью, которую он выставлял на всеобщее обозрение. Почему-то я чувствовал себя уязвленным его насмешками.

– Да, знаю. – Он снова фыркнул, на сей раз – презрительно. – Распорол прям до кости. Здоровый старый секач чуть

не сшиб Чива, да только ему Баррич подвернулся. Баррич да еще полдюжины собак, я слышал.

Мы прошли через проход в увитой плющом стене, и перед нами внезапно возникли учебные корты.

– Чив думал, что остается только прикончить эту свинью, когда она подпрыгнула и бросилась на него. В пику вцепилась, говорят.

Я шел по пятам за мальчиком и ловил каждое его слово, когда он внезапно повернулся ко мне. Я был так огорошен, что чуть не упал на спину. Мальчик засмеялся.

– Наверное, год у Баррича плохой. Все несчастья Чивэла на него валятся. Он взял смерть Чива да сменял ее на свою хрому ногу, вот что люди говорят. А потом он взял принца щенка да сделал его любимчиком. Вот только в толк не возьму, с чего вдруг тебя собрались учить военному делу. Да еще и лошадь дали, я слышал.

В его тоне было нечто большее чем зависть. Так я узнал, что некоторые люди воспринимают чужую удачу как личное оскорбление. Я чувствовал его растущую враждебность, как будто не спросясь зашел на собачью территорию. Но собаку я мог успокоить по поводу своих намерений, мысленно прикоснувшись к ее разуму. Что же до Бранта, то тут была только враждебность, поднимающаяся как буря. Я подумал, собирается ли он ударить меня и чего ждет в ответ – бегства или удара. Я почти решил бежать, когда высокая фигура, одетая в серое, появилась за спиной у Бранта и крепко

схватила его за воротник.

– Я слышала, король сказал, этот мальчик должен тренироваться с мечом и получить лошадь, чтобы учиться верховой езде. И этого достаточно для меня и должно быть более чем достаточно для тебя, Брант. Мне казалось, что тебе было велено привести его сюда и доложить мастеру Тулуму, у которого есть для тебя дело. Ты этого не слышал?

– Да, мэм. – Драчливое настроение Бранта внезапно испарилось, уступив место подобострастию.

– И раз уж ты слышал все эти жизненно важные вещи, я хотела бы указать тебе, что ни один умный человек не рассказывает каждому встречному и поперечному все, что знает, а у того, кто разносит сплетни, кроме них, в голове ничего нет. Ты меня понял, Брант?

– Думаю, да, мэм.

– Думаешь? Тогда скажу яснее. Прекрати все вынюхивать да распускать слухи и займись делом. Будь старательным и прилежным, и тогда, возможно, люди начнут говорить, что ты мой любимчик. Я хотела бы видеть, что ты слишком занят, чтобы сплетничать.

– Да, мэм.

– Ты, мальчик, – Брант уже убежал по дорожке, когда женщина повернулась ко мне, – следуй за мной.

Она не стала ждать, чтобы убедиться, что я подчинился. Деловой походкой немолодая женщина двинулась через тренировочную площадку, так что мне пришлось бежать ры-

сью, чтобы не отстать от нее. Утрамбованная земля затвердела под сотнями ног, солнце жгло мои плечи. Я мгновенно вспотел. Но женщина, казалось, не испытывала никаких неудобств, продвигаясь вперед быстрым шагом.

Она была одета во все серое: длинная темно-серая накидка, немного более светлые штаны и поверх всего этого серый кожаный передник, доходивший почти до колен. Видимо, она работает в саду, предположил я, хотя и удивился, заметив у нее на ногах серые кожаные сапоги.

– Меня прислали тренироваться... с Ходдом, – проговорил я, задыхаясь.

Она коротко кивнула. Мы зашли в тень оружейной, и я наконец перестал жмуриться от яркого света.

– Мне должны дать доспехи и оружие, – сказал я на случай, если женщина не поняла меня.

Она снова кивнула и распахнула дверь в похожее на сарай строение – внешнюю оружейную. Тут, как я знал, лежало тренировочное оружие. Настоящая сталь хранилась в самом замке. В сарае был мягкий полусвет и прохлада. Пахло деревом, потом и свежим тростником, разбросанным по полу. Женщина не остановилась, и я пошел за ней к подставке, на которой лежала груда очищенных от коры шестов.

– Выбирай, – сказала она мне. Это были первые слова, произнесенные ею после приказа следовать за ней.

– Может, лучше подождать Ходда? – робко поинтересовался я.

– Я – Ходд, – ответила она нетерпеливо. – Теперь выбери себе палку, мальчик. Хочу немного позаниматься с тобой, прежде чем придут остальные ученики. Хочу посмотреть, из чего ты сделан и что умеешь.

Ей не потребовалось много времени, чтобы установить, что я не умею почти ничего и легко теряюсь. После нескольких ударов ее собственной коричневой палкой она ловко подцепила мой шест, выбила его из моих ноющих рук, и он, вращаясь, полетел на землю.

Ходд задумчиво хмыкнула, без осуждения или одобрения. Так мог бы хмыкнуть огородник, увидев слегка поврежденный клубень. Я немного прощупал ее сознание и обнаружил ту же тишину, которую почувствовал в кобыле. Если Баррич всегда держался со мной начеку, то Ходд ничего не заметила. Думаю, тогда я впервые понял, что некоторые люди, как и некоторые животные, совершенно не чувствуют, когда я их прощупываю. Я мог бы и дальше проникнуть в мысли Ходд, но был так счастлив, не найдя никакой враждебности, что побоялся вызвать хоть малейшую неприязнь. Так что я стоял под изучающим взглядом женщины, маленький и неподвижный.

– Мальчик, как тебя зовут? – неожиданно спросила она.

Опять.

– Фитц.

Я произнес это очень тихо, и Ходд нахмурилась. Тогда я подобрался и сказал погромче:

– Баррич зовет меня Фитцем.

Она слегка вздрогнула.

– Это на него похоже. Он называет суку сукой, а бастарда бастардом. Это Баррич. Что ж... думаю, я понимаю его. Фитц ты есть, Фитцем я тебя и буду называть. Теперь я покажу тебе, почему шест, который ты выбрал, слишком длинный для тебя и слишком толстый. А потом ты выберешь другой.

Сказано – сделано, и она медленно провела меня через упражнение, которое показалось мне тогда бесконечно сложным, но через неделю выполнить его было уже не труднее, чем заплести гриву моей лошади. Мы закончили, когда как раз гурьбой подошли остальные ученики. Их было четверо, все примерно моего возраста, с разницей лишь в год-другой, но куда опытнее меня. Это породило некоторое неудобство, потому что теперь нас стало нечетное число и никто не хотел тренироваться в паре с новичком.

Каким-то образом я пережил этот день, хотя воспоминания о том, как именно мне это удалось, скрыты от меня в благословенном тумане. Я помню, как у меня все болело, когда Ходд наконец отпустила нас, как прочие ученики бодро побежали по дорожке назад в замок, а я мрачно поплелся следом, проклиная себя за то, что меня вчера угораздило попасться королю на глаза. Путь до замка был очень долгим, в обеденном зале было шумно и полно народа. Я слишком устал, чтобы налегать на еду. Кажется, я съел лишь немного

хлеба и тушеного мяса, и этого мне хватило. Я поплелся к двери, мечтая только о тепле и тишине конюшен, когда меня опять перехватил Брант.

– Ваша комната готова, – только и сказал он.

Я бросил отчаянный взгляд на Баррича, но он был слишком занят разговором с соседом по столу. Он не заметил моей безмолвной мольбы. Так что я обнаружил, что снова слеую за Брантом, теперь уже вверх по каменным ступеням в ту часть замка, где мне не доводилось бывать во время моих ознакомительных прогулок.

Мы остановились на площадке, Брант взял со стола подсвечник и зажег свечи.

– Королевская семья живет в этом крыле, – небрежно сообщил он мне. – В конце этого коридора – спальня короля, огромная, как конюшня.

Я кивнул, слепо веря всему, что он говорил, хотя позже выяснил, что посыльный вроде Бранта никогда бы не мог попасть в королевское крыло. Здесь господам прислуживали лакеи. Посыльный повел меня вверх по лестнице. На следующей площадке он остановился снова.

– Здесь комнаты для гостей, – сказал он, показывая подсвечником. От этого движения пламя свечей заколебалось. – Для важных, конечно.

И мы поднялись еще на один этаж. Лестница заметно сужалась. Тут мы опять остановились, и я с ужасом посмотрел наверх, где ступени были еще уже и круче. Но Брант не

повел меня туда. Мы пошли по коридору мимо трех дверей, он вставил ключ в скважину и открыл дощатую дверь. Она распахнулась тяжело и со скрипом.

– Комнатой давно не пользовались, – заметил он весело. – Но теперь она твоя, так что милости просим.

И с этими словами Брант поставил канделябр на сундук и ушел, забрав с собой одну из свечей. Тяжелая дверь закрылась за ним, и я остался один в полутьме большой незнакомой комнаты. Каким-то чудом я удержался от того, чтобы броситься за посыльным. Вместо этого я поднял канделябр к стенным подсвечникам. Зажженные свечи заставили тени съжаться в углах. В комнате был камин, в котором догорал огонь. Я поворошил угли больше для света, чем для тепла, и продолжил обследовать мое новое жилище.

Это была простая квадратная комната с единственным окном. Каменные стены, такие же голые и холодные, как пол у меня под ногами, были украшены единственным выцветшим гобеленом. Я поднял свечу повыше, чтобы рассмотреть его, но увидеть мне удалось не многое. На гобелене были странные крылатые существа и мужчина, похожий на короля, склонившийся перед ними в мольбе. Позже я узнал, что это король Вайздом и Элдерлинги Старейшие, которые пришли к нему на помощь. На первый взгляд картина показалась мне жутковатой. Я отвернулся.

Кто-то сделал небрежную попытку освежить комнату. Пол был посыпан свежим тростником и травой, а перина выгля-

дела пухлой и свежевзбитой, на ней лежали два одеяла из хорошей шерсти. Балдахин над кроватью был поднят, а с сундука и скамьи, составлявших остальную меблировку, была стерта пыль. На мой неискушенный взгляд, эта комната выглядела действительно богатой. Настоящая кровать с покрывалами и занавесками, скамейка и сундук, чтобы класть туда вещи, – сколько я себя помнил, такой шикарной мебели у меня никогда не было. Все эти вещи предназначались исключительно для меня, и это каким-то образом делало их еще более значительными. К тому же в моем распоряжении был камин, в который я расточительно подбросил еще полено, и окно с дубовым сиденьем перед ним. Окно было закрыто ставнями от ночного холода, но я предположил, что оно выходит на море. Углы простого сундука были обиты медью, снаружи дерево потемнело, но, когда я поднял крышку, внутри оно оказалось светлым и душистым. В сундуке я обнаружил мой скудный гардероб, принесенный из конюшни. Его пополнили две ночные рубашки и скатанное в валик шерстяное одеяло. Вот и все. Я вынул ночную рубашку и закрыл сундук.

Я положил рубашку на кровать, потом залез туда и сам. Было еще слишком рано, чтобы ложиться спать, но тело мое болело, и, похоже, делать больше было нечего. Внизу, в конюшне, Баррич сейчас уже сидел бы и пил, занимаясь починкой сбруи или еще чем-нибудь. В очаге горел бы огонь, и слышно было бы, как внизу, в стойлах, переминаются с но-

ги на ногу лошади. И комната пахла бы кожей, маслом и самим Барричем, а не сырым камнем и пылью. Я натянул через голову ночную рубашку и сложил одежду у кровати. Потом устроился на перине; она была холодной, и я покрылся гусиной кожей. По прошествии времени постель согрелась, и я понемногу расслабился. У меня был трудный день, полный событий. Все тело ныло от усталости. Я знал, что мне следует снова подняться и задуть свечи, но не мог собраться с силами. Кроме того, у меня не хватало смелости остаться в непроглядной темноте. Так что я задремал, полуприкрыв глаза и наблюдая за слабыми языками пламени в маленьком очаге. Я лениво мечтал о чем-то другом, о любом месте, которое не было бы ни этой одинокой комнатой, ни жилищем Баррича. О покое, который, возможно, я знал когда-то, но который теперь начисто стерся из памяти. И вот так, в грезах о покое, я забылся сном.

Глава 4

Ученичество

Рассказывают о короле Викторе Победителе, который завоевал острова территории, ныне принадлежащие к герцогству Фарроу. Вскоре после присоединения к своим владениям Песчаных пределов он послал за женщиной, которая, если бы Виктор не завоевал ее страну, была бы королевой Песчаных пределов. Она прибыла в Олений замок в большой тревоге, опасаясь приема в замке, но еще больше страшась того, что могло бы ожидать ее народ, попроси она своих людей укрыть ее. Когда она появилась, то была и поражена, и в некотором роде огорчена тем, что Виктор собирается использовать ее не как слугу, но как учителя для своих детей. Они должны были изучить язык и обычаи ее народа. Она спросила, почему он решил, что это нужно его детям; Виктор ответил: «Властитель должен править всеми народами своей страны, но править можно только тем, что знаешь». Позже она с готовностью стала женой его старшего сына и при коронации получила имя Грация Милосердная.

Я проснулся оттого, что солнечный свет упал на мое лицо. Кто-то заходил в комнату и открыл ставни, впусив дневной свет. На сундуке стояли таз, полотенце и кувшин с водой. Я

был благодарен за это, но даже умывание меня не освежило. Я вспотел во сне, кроме того, мне было неловко оттого, что кто-то мог войти в мою комнату и ходить по ней, пока я спал.

Как я и думал, окно выходило на море, но у меня не было времени любоваться красивыми видами. Единственного взгляда на солнце хватило, чтобы понять, что я проспал. Я быстро натянул одежду и поспешил в конюшню, не задерживаясь для завтрака.

Но этим утром Барричу было не до меня.

– Возвращайся в замок, – посоветовал он мне. – Хести-портниха уже присылала за тобой Бранта: ей нужно снять с тебя мерку для одежды. Лучше сейчас же найди ее – она вечно куда-то торопится, и ей не понравится, если ты расстроишь ее планы на утро.

Я побежал назад в замок, и от бега вся боль в мышцах, которой наградила меня минувший день, пробудилась вновь. Как я ни боялся поисков мастерицы Хести и снятия мерки для одежды, которая, как я считал, мне совершенно не нужна, я все же почувствовал облегчение, что сегодня мне не придется садиться в седло. Узнав на кухне дорогу, я наконец нашел мастерицу Хести в комнате через несколько дверей от моей спальни. Я смущенно остановился в дверях и заглянул внутрь. Три высоких окна впускали в комнату солнечный свет и мягкий соленый ветер. У стены стояли корзины с пряжей и крашеной шерстью, а высокая полка на другой стене была завалена пестрым многоцветием самых раз-

ных тканей. Две молодые женщины тихонько беседовали над ткацким станком, а парень, не намного старше меня, слегка покачивался в такт мягкому ходу колеса прялки в дальнем углу. Женщина, чья широкая спина была повернута ко мне, очевидно, и была мастерица Хести. Молодые ткачихи заметили меня и замолчали. Хести повернулась, чтобы взглянуть, куда они смотрят, и через мгновение я оказался у нее в руках. Она не утруждала себя знакомством или объяснениями. Я обнаружил, что сижу на табуретке, а меня поворачивают, измеряют и обсуждают, совершенно не считаясь с моим достоинством и, уж конечно, с человеческой природой. Она с презрением отдала мою одежду молодой женщине, холодно заметив, что я напоминаю молодого Чивэла и что размеры и цвета моей одежды должны быть почти такими же, как его, когда он был в моем возрасте. Потом она спросила мнение своих помощниц, прикладывая ко мне рулоны различных тканей.

– Этот синий цвет очень идет к его темным волосам, – сказала одна из ткачих. – Он бы очень хорошо выглядел на его отце. Какое счастье, что леди Пейшенс никогда не придется увидеть этого мальчика. Печать Чивэла слишком ясно видна на его лице, чтобы оставить ей хоть какую-то надежду.

И, стоя так, с ног до головы закутанный в шерстяную ткань, я впервые услышал то, что было давно известно всем до одного обитателям Оленьего замка. Ткачихи в деталях обсуждали, как весть о моем существовании достигла сто-

лицы и Пейшенс – задолго до того, как мой отец смог сам рассказать ей об этом, – и какую невыносимую боль это ей причинило. Потому что Пейшенс была бесплодной, и, хотя Чивэл никогда ни словом не упрекнул ее, все вокруг догадывались, как тяжело должно быть для них не иметь наследников. Пейшенс восприняла мое появление как укор, ставший последней каплей. После нескольких выкидышей ее здоровье и так оставляло желать много лучшего, а теперь оно было окончательно подорвано, и дух ее сломлен. Ради ее блага и ради соблюдения приличий Чивэл отказался от трона и увез больную жену в провинцию, откуда она была родом. Говорили, что они жили там в мире и согласии, что здоровье Пейшенс немного поправилось и что Чивэл, растеряв большую часть бывшего задора, потихоньку начинал осваивать управление виноградной долиной. К сожалению, Пейшенс винила за оплошность мужа также и Баррича, она заявила, что видеть больше не может старшего конюшего. И старина Баррич, которому пришлось смириться и с тем, что он остался калекой, и с опалой, изменился до неузнаваемости. Раньше ни одна женщина не могла спокойно пройти мимо него; поймать его взгляд означало вызвать жгучую зависть каждой, достаточно взрослой для того, чтобы носить юбки. А теперь? Старый Баррич – так его зовут, а ведь он все еще в расцвете сил. Это нечестно, как будто слуга может отвечать за то, что сделал его господин!

Однако, считали мастерицы, все к лучшему. В конце кон-

цов, Верити будет более хорошим королем, чем мог бы стать его брат. Чивэл был таким благородным и правильным донельзя, что в его присутствии все чувствовали себя в чем-то виноватыми; он никогда не позволил бы себе отступить от того, что считал правильным. И хотя рыцарское благородство не позволяло ему насмехаться над теми, кто относился к себе не столь строго, его безукоризненное поведение всегда было безмолвным порицанием для всех окружающих. Ах, но вот теперь оказалось, что все-таки был этот бастард, пусть и много лет назад, и это доказательство, что принц не так уж безупречен, как старался показать. А вот Верити Истина, он человек как человек, на него смотришь и сразу видишь королевскую кровь. Он отличный наездник и всегда сражался рядом со своими людьми, а если иногда напивался или бывал не очень благоразумным – что ж, он открыто признавал это, честный, как и его имя. Люди поймут такого человека и пойдут за ним.

Я молча ловил каждое слово, а мастерицы тем временем прикладывали ко мне отрезки ткани, обсуждали, насколько мне идет очередной цвет, и отвергали расцветки одну за другой. Теперь я понял, почему дворцовые дети не играют со мной. Если мастерицам и приходило в голову, что их непридуманная болтовня может вызывать у меня какие-то мысли и чувства, они ничем этого не выдали. Насколько я помню, Хести обратила непосредственно ко мне единственное замечание – что мне следует уделять больше внимания мытью

собственной шеи. Когда с мерками было покончено, она шуганула меня из комнаты, как будто я был надоедливym цыпленком, и я отправился в кухню, чтобы раздобыть немного еды.

Послеобеденное время я снова провел с Ходд и упражнялся до тех пор, пока не почувствовал, что мой шест за время занятий таинственным образом удвоил вес. Потом были еда, постель и снова утренний подъем – и назад, под опеку Баррича. Дни мои были поглощены учебой, и даже немногие свободные от нее часы были заняты работой, связанной с моим обучением, – был ли это уход за моим снаряжением у Баррича или уборка оружейной Ходд. Вскоре я получил не один и не два, а целых три комплекта одежды, включая чулки, которые в один прекрасный день появились у меня на кровати. Два костюма были из хорошей ткани знакомого коричневого цвета, в которой, по-видимому, ходило большинство детей моего возраста, но третий – из тонкого синего сукна, с вышитой на груди тонкой серебряной нитью оленьей головой. У Баррича и солдат была эмблема скачущего оленя. Оленью голову я видел только на камзолах Регала и Верити. Так что я смотрел на нее и удивлялся, как удивлялся и красному шву, прорезавшему эмблему по диагонали, прямо по вышивке.

– Это значит, что ты бастард, – отрезал Баррич в ответ на мой вопрос. – Признанной королевской крови, но все равно бастард. Вот и все. Это просто быстрый способ показать, что ты королевской крови, но неправильной линии. Если тебе не

нравится, можешь переменить костюм. Я уверен, что король это позволит. Ты имеешь право на имя и герб.

– Имя?

– Конечно. Это очень просто. Бастарды нечасто встречаются в благородных домах, особенно в королевских семьях, но ты не первый и не последний.

Под предлогом того, что мне пора учиться обращаться с седлом, мы шли через мастерскую, разглядывая старое снаряжение. Сохранение и починка этих вещей были одной из самых странных прихотей Баррича.

– Придумай себе имя и герб, а потом попроси короля...

– Какое имя?

– Ну, какое хочешь. Твое нынешнее – какое-то никудышное, вроде как подмоченное и заплесневевшее. Посмотрим, что можно придумать.

– Оно будет ненастоящим.

– Что? – Он протянул мне охапку пахучей кожи.

Я взял ее.

– Имя, которое я просто себе придумаю. Оно будет как будто не на самом деле мое.

– Так что же ты тогда собираешься делать?

Я вздохнул.

– Король должен назвать меня. Или ты. – Я набрался смелости. – Или мой отец. Ты не находишь?

– У тебя какие-то странные идеи. Ты подумай об этом немного сам и скоро найдешь имя, которое тебе подойдет.

– Фитц, – с горькой усмешкой сказал я.

Баррич не нашелся что ответить.

– Давай-ка лучше починим эту сбрую, – сказал он тихо.

Мы отнесли ее на скамейку и начали вытирать.

– Внебрачные дети не такая уж редкость, – заметил я. – И в городе родители дают им имена.

– В городе не редкость, – спустя некоторое время согласился Баррич. – Солдаты и матросы любят поразвлечься. Это нормально для обычных людей. Но не для знати. И не для того, у кого есть хоть капля гордости. Что бы ты подумал обо мне, когда был младше, если бы по ночам я ходил к девкам или приводил их в комнату? Как бы ты теперь смотрел на женщин? И на мужчин? Влюбляться, Фитц, дело хорошее, и никто не поскупится на поцелуй или два для молодой женщины. Но я видел, как это все бывает в Удачном. Торговцы приводят хорошеньких девушек и крепких юношей на рынок, как цыплят или картошку. И у детишек, которых эти юноши и девушки в конце концов зачинают, могут быть имена, зато у них нет многого другого. И, даже выйдя замуж или женившись, они не оставляют своих... привычек. Если я когда-нибудь найду достойную женщину, то захочу, чтобы она знала: я не буду заглядываться на других. И я захочу быть уверенным, что все мои дети – мои. – Баррич говорил почти страстно.

Я горестно посмотрел на него:

– Так что же случилось с моим отцом?

Баррич сник и вдруг показался мне очень усталым.

– Я не знаю, мальчик. Не знаю. Он был очень молод тогда, всего лет двадцати от роду. И очень далеко от дома, и пытался вынести непомерно тяжелую ношу. Это не извиняет его и не может служить веской причиной. Но это все, что мы знаем.

Так оно и было.

Моя жизнь катилась по накатанной колее. Случались вечера, которые я проводил в конюшне в обществе Баррича, и гораздо реже – вечера, которые я проводил в Большом зале, когда приезжали менестрели или кукольники. Очень редко мне удавалось удрать на вечер в город, но тогда я не высыпался, и на следующий день приходилось расплачиваться. В послеобеденное время со мною всегда занимался какой-нибудь учитель или инструктор. Я понял, что это мои летние занятия и что зимой меня ждет учение, связанное с перьями и буквами. Я был занят более, чем когда-либо за свою короткую жизнь. Но, несмотря на такое плотное расписание, по большей части я был один.

Одиночество.

Оно овладевало мной каждую ночь, когда я тщетно пытался найти маленький уютный уголок в моей большой кровати. Когда я спал над конюшнями у Баррича, мои ночи были сумбурными, сны наполнены вереском, теплом и усталым удовлетворением хорошо поработавших животных, которые

спали внизу. Лошади и собаки видят сны – это знает всякий, кто хоть раз в жизни наблюдал за собакой, дергающейся и взлаивающей в пригрезившейся погоне. Их сны были похожи на легкий аромат свежее испеченного хлеба. Но теперь, когда я был заперт в каменной комнате, у меня наконец нашлось время для всех этих болезненных снов, которые время от времени посещают каждого человека. У меня не было никакого теплого бока, к которому я мог бы прижаться, не было чувства, что брат или другой родич стоит в соседнем стойле. Я лежал без сна и раздумывал о моем отце и моей матери и о том, как оба они с легкостью вычеркнули меня из своей жизни. Я слышал разговоры, которыми люди в замке так небрежно перекидывались над моей головой, и по-своему истолковывал их. Я думал о том, что будет со мной, когда я вырасту и старый король Шрюд умрет. Иногда я гадал, вспоминают ли меня Молли Расквашенный Нос и Керри, или они приняли мое внезапное исчезновение так же легко, как неожиданное появление. Но по большей части я мучился одиночеством, потому что во всем огромном дворце не было никого, в ком я чувствовал бы друга. Только животные в конюшне, а Баррич не позволял мне привязаться к кому-либо из них.

Однажды вечером я лег в постель и долго терзался страхами и не мог уснуть, пока не провалился в тяжелый сон. Меня разбудил свет, упавший мне на лицо, как бывало каждое утро, но я проснулся с уверенностью – что-то стряслось. Свет

был желтым и колеблющимся, не похожим на яркое солнце, которое обычно просачивалось в мое окно. Я неохотно повернулся и открыл глаза.

Он стоял в изножье моей кровати, в руках у него был фонарь. Фонарь – это было само по себе странно, но больше, чем свет масляной лампы, меня удивило другое. Странным был человек, который ее держал. Одежда его была цвета некрашеной овечьей шерсти, вымытой только местами и очень давно. Его волосы и борода были примерно того же цвета и столь же неряшливы, что и наряд гостя. Несмотря на цвет его волос, я не смог определить, сколько ему лет. Бывают болезни, которые оставляют шрамы на лице человека, но такие отметины я видел впервые: множество крошечных ярко-розовых и красных следов, похожих на маленькие ожоги, и лиловато-синих даже в желтом свете фонаря. Руки незнакомца, казалось, состояли только из костей и сухожилий, обернутых бумажно-белой кожей. Он смотрел на меня, и даже при свете фонаря глаза его были пронзительно-зелеными. Они напомнили мне глаза вышедшей на охоту кошки: та же смесь радостного задора и жестокости. Я натянул одеяло до самого подбородка.

– Ты проснулся, – сказал незнакомец. – Хорошо. Вставай и следуй за мной.

Он быстро отвернулся от моей постели и пошел к затемненному углу комнаты между очагом и стеной. Я не пошевелился. Он оглянулся на меня и поднял фонарь повыше.

– Поторапливайся, мальчик, – сказал он раздраженно и стукнул по спинке моей кровати палкой, на которую опирался.

Я вылез из постели и вздрогнул, когда мои босые ноги коснулись холодного пола. Я потянулся за одеждой, но незнакомец и не думал меня ждать. Он обернулся еще раз посмотреть, что меня задерживает, и этого пронзительного взгляда было достаточно, чтобы заставить меня бросить одежду и задрожать.

И я пошел за ним молча, в одной ночной рубашке, сам не понимая, почему это делаю. Только потому, что от меня этого потребовали. Я последовал за ним к двери, которой никогда раньше не было в моей комнате, и по узким ступеням винтовой лестницы, освещенной только фонарем в руке незнакомца. Ночной гость заслонял собой свет, и я шел в колеблющейся темноте, ощупывая ногой каждую ступеньку. Они были сделаны из холодного камня, сносившиеся, гладкие и удивительно однообразные. И они уходили вверх, вверх и вверх, пока мне не начало казаться, что мы уже забрались выше любой башни замка. Холодный ветер дул снизу, забираясь под мою рубашку и заставляя меня все больше и больше сжиматься, и не только от холода. Мы шли и шли, и наконец незнакомец открыл тяжелую дверь, которая тем не менее двигалась бесшумно и легко. Мы вошли в комнату.

Ее освещал теплый свет нескольких фонарей, подвешенных на тонких длинных цепях к тонувшему во мраке потол-

ку. Комната была большая, по крайней мере в три раза больше моей собственной. Одно место в ней привлекло мое внимание. Там стояла массивная деревянная кровать, заваленная пуховыми перинами и подушками. На полу лежали ковры, постеленные один на другой, всех оттенков алого, ярко-зеленого и синего. Кроме того, там был стол из дерева цвета дикого меда, а на нем стояла ваза с фруктами такими спелыми, что я ощущал их аромат. Книги и пергаментные свитки были небрежно разбросаны по комнате, как будто ее хозяин совершенно не дорожил ими. Все три стены были задрапированы гобеленами, изображавшими открытую холмистую местность с лесистыми подножиями гор на заднем плане. Я двинулся к ним.

– Сюда, – сказал мой спутник и твердо повел меня в другой конец комнаты.

Здесь глазам моим предстало совершенно иное зрелище. Главенствующее положение занимала каменная плита стола, вся в пятнах краски и сажи. На ней лежали странные инструменты и принадлежности: весы, ступка, пестик и множество других вещей, названий которых я не знал. Слои пыли покрывал многие из них, как будто то, для чего они предназначались, было заброшено много месяцев, а может быть, даже и лет назад.

Рядом со столом на стене висела полка, заваленная пергаментными, многие из которых были окаймлены синим или золотым кантом. В комнате стоял одновременно резкий и при-

ятный запах: на другой полке сушились пучки трав. Я услышал шелест и успел заметить какое-то движение в дальнем углу, но незнакомец не дал мне времени толком оглядеться. Камин, который должен был бы согревать этот конец комнаты, зиял холодной пустотой. Старые угли в нем казались сырыми – похоже, камин давно не топили. Я наконец перестал осматривать комнату и взглянул на спутника. Страх на моем лице, по-видимому, удивил его. Он отвернулся и медленно оглядел комнату. Потом подумал немного, и я почувствовал исходящее от него смущенное раздражение.

– Беспорядок. Больше чем беспорядок, я полагаю. Ну что ж, верно, ведь прошло много времени. Даже больше, чем просто «много». Ладно, вскоре мы все уберем. Но сперва следует познакомиться. Я думаю, что немного холодновато стоять тут в одной ночной рубашке. Сюда, мальчик.

Я двинулся за ним в уютную часть комнаты. Он сел в старое деревянное кресло, покрытое одеялом. Мои босые ноги благодарно зарылись в дремотное тепло шерстяного ковра. Я стоял перед ним в ожидании, а его зеленые глаза, казалось, сверлили меня насквозь. Несколько минут продолжалось молчание, потом он заговорил:

– Сперва позволь мне представить тебя тебе самому. Твоя родословная написана на тебе. Шрюд решил признать ее, потому что никакие отрицания никого бы не убедили. – Он немного помолчал, потом улыбнулся, как будто что-то позабавило его. – Позор, что Гален отказывается учить тебя Си-

ле. Но уже много лет назад изучение Силы было ограничено из страха, что она станет слишком распространенным оружием. Готов держать пари, что возьмись старый Гален тебя учить, то быстро обнаружил бы хорошие способности. Но у нас нет времени горевать о том, чего не будет.

Он задумчиво вздохнул и некоторое время молчал, потом внезапно продолжил:

– Баррич показал тебе, как следует работать и подчиняться. Две вещи, в которых сам он преуспел. Ты не особенно сильный, быстрый или смысленый – не тешься иллюзиями. Но в тебе есть упорство, достаточное, чтобы взять измором любого более сильного, более быстрого или более сообразительного, чем ты. Это свойство опасно скорее для тебя, чем для кого бы то ни было. Но сейчас не это самое главное. Ты теперь человек короля. И ты должен понять, сейчас, немедленно, что именно это и есть самое важное в твоей жизни. Король кормит тебя, он одевает тебя, он следит, чтобы ты получил образование. И все, чего он сегодня просит взамен, – это твоя преданность. Позже он будет просить тебя служить ему. Таковы условия, при которых я буду учить тебя: ты человек короля и безраздельно предан ему. Но если ты не таков, будет слишком опасно учить тебя моему искусству. – Он замолчал, и долгое время мы просто смотрели друг на друга. – Ты согласен? – спросил он, и это был не просто вопрос, а предложение заключить договор.

– Да, – ответил я и добавил, поскольку он ждал: – Даю вам

слово.

– Хорошо. – Он сказал это очень сердечно. – Итак, перейдем к другому. Ты видел меня раньше?

– Нет.

Я внезапно понял, как это странно, потому что, хотя в замке часто бывали гости, этот человек, по-видимому, был его обитателем долгое-долгое время, а почти всех, кто жил здесь, я знал если не по имени, то хотя бы в лицо.

– Ты знаешь, кто я, мальчик? Или почему ты здесь?

Я поспешно помотал головой в ответ на оба вопроса.

– Вот и никто другой не знает. Так что позаботься о том, чтобы так оно и осталось. Пусть это будет тебе совершенно ясно: ты никому не должен говорить ни о том, что мы здесь делаем, ни о том, чему ты учишься. Это понятно?

Мой кивок, по-видимому, удовлетворил его, потому что он, казалось, расслабился. Он положил костлявые руки на колени.

– Хорошо. Хорошо, ты можешь называть меня Чейд. А как я должен называть тебя? – Он замолчал, но, не дождавшись от меня никакого ответа, сказал: – Мальчик. Это не наши имена, но они подойдут на то время, пока мы вместе. Итак. Я Чейд, и я еще один учитель, которого Шрюд нашел для тебя. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить о моем существовании, и еще время, чтобы собраться с духом попросить меня. А мне потребовалось даже больше, чтобы согласиться взяться за твое обучение. Но теперь все

решено. Что же касается того, чему я буду учить тебя...

Чейд встал и подошел к огню. Он посмотрел в очаг, потом наклонился, чтобы взять кочергу, и поворошил угли.

– Это умение убивать людей. Тонкое искусство дипломатического убийства. Или ослеплять их, или лишать слуха, или вызывать слабость в членах, или паралич, или изнурительный кашель, или импотенцию. Или раннюю дряхлость, или безумие, или... ну, впрочем, это не имеет значения. Все это было моей работой. А теперь будет твоей, если ты согласишься. Только с самого начала знай, что я собираюсь учить тебя убивать людей. Для твоего короля. Убивать не открыто, как учит тебя Ходд, не на поле боя, на глазах у товарищей, ощущая за спиной их поддержку, нет. Я буду учить тебя отвратительному, тайному, изысканному способу убивать людей. Тебе это или понравится, или нет. Прививать любовь к этому не входит в мои обязанности. Но я удостоверюсь, что ты научился этому. И я прослежу еще за одной вещью, потому что таково было условие, которое я поставил королю Шрюду. Что ты будешь знать, чему ты учишься, – я в твоём возрасте этого не знал. Итак. Я должен научить тебя быть убийцей. Это тебя устраивает, мальчик?

Я снова кивнул, на сей раз неуверенно – просто не видел выбора. Чейд пристально посмотрел на меня.

– Ты ведь умеешь говорить, верно? Может быть, ты не только бастард, но еще и немой?

Я сглотнул:

– Нет, сир. Я могу говорить.

– Что ж, тогда говори. Не обходишь кивками. Скажи мне, что ты обо всем этом думаешь. О том, кто я такой, и о том, что я только что предложил тебе.

Хотя мне и велели говорить, я стоял молча. Я смотрел на испещренное шрамами лицо, бумажную кожу рук и ощущал на себе пристальный взгляд его сияющих зеленых глаз. Я пытался сказать что-нибудь, но слова не шли с языка. Слова Чейда располагали к разговору, но его вид все еще пугал меня.

– Мальчик, – сказал он, и мягкость в его голосе заставила меня посмотреть ему в глаза, – я могу учить тебя, даже если ты возненавидишь меня или будешь презирать эти уроки. Я могу учить тебя, если тебе быстро все надоедает или если ты ленив или глуп. Но я не смогу учить тебя, если ты будешь бояться разговаривать со мной. По крайней мере так, как я хотел бы учить тебя. Я не смогу учить тебя, если ты решишь, что этого тебе лучше не знать. Но ты должен сказать мне, что думаешь. Ты научился так хорошо оберегать свои мысли, что почти боишься сам узнать их. Но попытайся произнести их вслух – сейчас, мне. Ты не будешь наказан.

– Мне это не очень нравится, – внезапно выпалил я, – убивать людей.

– А-а...

Он ненадолго умолк, потом заговорил снова:

– Мне тоже не нравилось, когда я пришел к этому. И по-

прежнему не нравится. – Он глубоко вздохнул. – Когда настанет время, тебе придется каждый раз решать заново. Первый раз будет самым трудным. Но сейчас знай, что решение тебе придется принимать не скоро, через много лет, а до этого надо многому научиться. – Он помолчал. – Вот так, мальчик. И ты должен помнить об этом всегда, не только сейчас. Учиться никогда не плохо, даже учиться убивать. Не плохо и не хорошо. Убийство – просто предмет для изучения, наука, которую я могу преподать тебе. Вот и все. А теперь, как ты думаешь, ты можешь научиться делать это, а позже решить, хочешь ли этим заниматься?

Задать такой вопрос мальчишке! Даже тогда что-то во мне ощетинилось и недоверчиво приняло к предложению, но я был только ребенком и не мог придумать, что возразить. А любопытство терзало меня.

– Я могу учиться этому.

– Хорошо. – Чейд улыбнулся, но лицо его было усталым, и он не казался таким уж довольным. – Тогда хорошо. Может быть, это неплохо. Неплохо. – Он оглядел комнату. – Мы можем начать прямо сегодня. Давай начнем с уборки. Где-то там есть метла. О, но сперва смени ночную рубашку на что-нибудь... да, вон там лежит старый разодранный халат. Пока сойдет. Нельзя, чтобы прачки удивлялись, почему это твои ночные рубашки пахнут камфарой и болеутолителем, правда? Теперь подмети немного пол, а я пока уберу кое-что.

И так прошли следующие несколько часов. Я подмел, по-

том вымыл каменный пол. Чейд руководил мной, когда я убирал его личные принадлежности с огромного стола. Я перевернул травы на сушильной полке, я накормил трех ящериц, которых он поймал в углу, нарубив старое липкое мясо на кусочки, которые ящерицы проглотили целиком, я вычистил несколько горшков и мисок и убрал их. А Чейд работал рядом со мной, видимо благодарный за компанию, и болтал, как будто мы оба были стариками – или маленькими мальчиками.

– Никакой азбуки до сих пор? Никакой арифметики? Баг-раш! О чем думает старик? Что ж, я прослежу, чтобы это упущение вскорости было исправлено. У тебя лоб твоего отца, мальчик, и ты так же, как отец, его хмуришь. Кто-нибудь говорил тебе об этом раньше? А, вот ты где, Проныра, ах ты негодник! Что ты там успел натворить?

Коричневая ласка появилась из-за гобелена, и мы были представлены друг другу. Чейд позволил мне накормить ласку перепелиными яйцами из миски на столе и смеялся, глядя, как зверек бегаёт за мной и выпрашивает ещё. Он отдал мне медный браслет, который я нашел под столом, предупредив, что от него мое запястье может позеленеть, и предостерег, что, если кто-нибудь спросит, откуда он у меня, я должен сказать, что, нашел его за конюшнями. Через некоторое время мы сделали передышку для медовых лепешек и горячего вина со специями и сидели вместе за низким столом на каких-то тряпках перед огнем, и я смотрел, как отсветы

пламени пляшут по покрытому шрамами лицу моего нового учителя, и недоумевал, почему оно казалось мне таким пугающим. Он заметил, что я смотрю на него, и улыбнулся:

– Кажется тебе знакомым, да, мальчик? Мое лицо, я имею в виду.

Не казалось. Я видел лишь шрамы и бледную кожу. Я не имел ни малейшего представления, о чем он говорит, и вопросительно взглянул на Чейда, пытаясь что-нибудь понять.

– Не думай об этом, мальчик. Это оставляет следы на всех нас, рано или поздно достанется и тебе. А теперь, что ж... – он встал, потягиваясь, так что его одеяние поднялось, обнажив его костлявые бледные лодыжки, – теперь уже совсем поздно – или рано, в зависимости от того, какая часть суток тебе больше нравится. Пришло время тебе отправляться обратно в постель. Ты запомнишь, что все это страшная тайна, да? Не только я и эта комната, но и то, что ты встаешь ночью, и уроки убийства, и все вместе?

– Запомню, – сказал я ему и, почувствовав, что это будет что-то для него значить, добавил: – Даю вам слово.

Чейд усмехнулся, а потом кивнул почти грустно. Я снова переоделся в ночную рубашку, и он провел меня вниз по ступеням. Он держал фонарь у моей постели, пока я забирался в нее, и потом поправил на мне одеяло, чего никто никогда не делал с тех пор, как я покинул Баррича. Думаю, я заснул даже раньше, чем Чейд отошел от моей постели.

На следующее утро я спал так долго, что разбудить ме-

ня послали Бранта. Я проснулся совершенно разбитым, в голове у меня болезненно стучало. Но как только посыльный ушел, я соскочил с постели и бросился в угол комнаты. Руки мои встретились с холодным камнем, когда я принялся толкать стену, и ни одна щель в каменной кладке не была похожа на потайную дверь, которая, как я считал, должна была здесь находиться. Ни на мгновение я не подумал, что Чейд был только сном, но, даже если бы и подумал, простой медный браслет на моем запястье легко доказал бы мне, что это не так.

Я поспешно оделся и прошел через кухню, чтобы перехватить кусочек хлеба и сыра, которые все еще жевал, когда добрался до конюшен. Баррич был рассержен моим опозданием и ко всему придирался, пока я ездил верхом и работал в стойле. Я отлично помню, как он выговаривал мне:

– Не думай, будто только потому, что у тебя комната в замке и герб на камзоле, ты можешь превращаться в лодыря-лежебоку, который допоздна храпит в постели и поднимается только для того, чтобы взбить волосы. Со мной этот номер не пройдет. Может, ты и бастард, но ты бастард Чивэла, и я сделаю из тебя человека, которым он сможет гордиться.

Я остановился, все еще сжимая в руках щетки.

– Ты имел в виду Регала, да?

Мой невольный вопрос ошеломил его.

– Что?

– Когда ты говорил о лодырях, которые лежат в постели

все утро и ничего не делают, кроме того что без конца возятся со своими волосами и одеждой, – ты же говорил про Регала.

Баррич раскрыл было рот, потом захлопнул его. Его обветренные щеки стали еще краснее.

– Ни ты, ни я, – пробормотал он наконец, – не в том положении, чтобы обсуждать недостатки принцев. Я говорил только о главном правиле: долгий сон не делает чести мужчине, а уж тем более мальчику.

– А принцу – и подавно, – сказал я и замолчал, удивляясь, откуда пришла эта мысль.

– А принцу – и подавно, – мрачно согласился Баррич.

Он был занят в соседнем стойле, осматривая поврежденную ногу мерина. Животное вело себя беспокойно, и я слышал, как Баррич кряхтит, пытаясь удержать его.

– Твой отец никогда не спал полдня из-за того, что пьянствовал всю предыдущую ночь. Конечно, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь умел пить так, как он, но тут еще была и дисциплина. И ему не требовалось, чтобы кто-то стоял рядом и будил его. Он сам вылезал из постели и того же ожидал от людей. Это не всегда прибавляло ему популярности, но солдаты уважали его. Люди любят, чтобы их вождь сам делал то, чего ждет от них. И вот что еще я тебе скажу: твой отец ни гроша не истратил на павлиньи наряды. Еще совсем молодым человеком, до того как обвенчаться с леди Пейшенс, он был как-то вечером на обеде в одном из малых замков.

Меня посадили недалеко от него – большая честь для меня была, – и я услышал кое-что из его беседы с дочерью хозяев, которую они предусмотрительно посадили рядом с будущим королем. Она спросила, что он думает об изумрудах, которые были на ней, и он сделал ей комплимент по этому поводу. «Я не знала, сир, нравятся ли вам драгоценности, потому что на вас ничего нет сегодня», – сказала она кокетливо. И он совершенно серьезно ответил, что его драгоценности сверкают так же ярко, как ее. «Ой, где же вы их держите, я бы так хотела посмотреть на них». Что ж, ответил Чивэл, он будет рад показать их ей позже вечером, когда станет темнее. Я увидел, как она вспыхнула, ожидая, что он назначит ей какое-нибудь свидание. И он в самом деле пригласил ее пройти с ним на стены замка, но взял с собой еще и половину остальных гостей. И он показал ей огни прибрежных сторожевых башен, которые ярко сверкали в темноте, и сказал, что считает их самыми лучшими драгоценностями и что он истратил деньги, которые получил в качестве налогов от ее отца, чтобы они горели так ярко. И потом он показал гостям мигающие огни сторожевых башен собственных часовых этого лорда и сказал им, что, когда они смотрят на своего герцога, они должны видеть это пламя, как драгоценности в его короне. Это был большой комплимент герцогу и герцогине, и гости его оценили. В то лето у островитян было всего несколько успешных набегов. Вот так управлял Чивэл. Личным примером и благородной речью. Так должен посту-

пать каждый настоящий принц.

– Я не настоящий принц. Я бастард.

Это слово будто имело какой-то странный привкус, потому что я очень часто его слышал и почти никогда не производил сам.

Баррич тихо вздохнул:

– Будь самим собой, мальчик, и не обращай внимания на то, что другие о тебе думают.

– Иногда я устаю, когда делаю что-нибудь трудное.

– И я тоже.

Я молча обдумывал это некоторое время, пока чистил Уголька. Баррич, все еще сидевший на корточках перед меринком, внезапно заговорил:

– Я не спрашиваю с тебя больше, чем с себя. Ты знаешь, что это правда.

– Знаю, – ответил я, удивленный, что он продолжает эту тему.

– Я просто хочу сделать для тебя все, что могу.

Это была совершенно новая для меня мысль. Немного подумав, я спросил:

– Потому что, если бы ты мог заставить Чивэла гордиться тем, что ты из меня сделал, он бы вернулся?

Ритмические движения рук Баррича, втирающих мазь в ногу мерина, внезапно замедлились, потом прекратились. Он продолжал сидеть на корточках около лошади и тихо заговорил через стенку стойла:

– Нет, я так не думаю. Я не думаю, будто что-нибудь может заставить его вернуться. Даже если бы он вернулся, – тут Баррич заговорил еще тише и медленнее, – даже если бы вернулся, он все равно уже не тот, что раньше.

– Это все я виноват, что он уехал, да?

Слова ткачихи всплыли в моей памяти: «Если бы не мальчик, Чивэл и посейчас оставался бы наследником трона».

Баррич долго молчал.

– Я не думаю, что в этом есть чья-то вина. Кто родился... – Он вздохнул и продолжал, казалось, с неохотой: – И конечно же, младенец не виноват в том, что родился вне брака. Нет. Чивэл сам обрек себя на падение, хотя мне и трудно об этом говорить.

Я услышал, как он снова принялся обрабатывать ногу мерина.

– И тебя тоже, – я сказал это в плечо Угольку и даже вообразить не мог, что Баррич услышит.

Но через пару мгновений он пробормотал:

– Я неплохо справляюсь сам, Фитц. Я неплохо справляюсь.

Он закончил с меринком и зашел в стойло Уголька.

– Ты сегодня чешешь языком похуже базарной сплетницы, Фитц. Что с тобой случилось?

Теперь была моя очередь замолчать и задуматься. Это как-то связано с Чейдом, решил я. Кто-то захотел, чтобы я понял, чему учусь, и выслушал мое мнение. Это развяза-

ло мне язык, и я смог задать вопросы, мучившие меня уже очень давно. Но поскольку мне не хватало слов, чтобы высказать это, я пожал плечами и честно ответил:

– Это просто то, что мне уже давно хотелось узнать.

Баррич заворчал, приняв к сведению мой ответ.

– Что ж, это хорошо, что ты спрашиваешь, хотя я не могу тебе обещать, что всегда смогу ответить. Приятно слышать, когда ты говоришь как человек. Теперь можно меньше беспокоиться, не уйдешь ли ты к зверям.

С этими словами он сердито глянул на меня и заковылял прочь. Я смотрел, как Баррич идет, и вспомнил первую встречу с ним и как одного его взгляда было достаточно, чтобы уgomонить полную комнату грубиянов. Он стал другим. И не только хромота изменила его манеру держаться, но и то, как люди смотрели на него. Он все еще был господином конюшен, и это никто не подвергал сомнению. Но он больше не был правой рукой будущего короля. Если не считать надзора за мной, Баррич и вовсе не был больше человеком Чивэла. Неудивительно, что он не мог смотреть на меня без негодования. Ведь я был бастардом, который стал причиной его падения. Впервые, с тех пор как я узнал его, мое настроенное отношение к нему приобрело оттенок жалости.

Глава 5

Преданность

В некоторых королевствах и странах есть обычай, согласно которому дети мужского пола обладают преимуществом в вопросах наследования. В Шести Герцогствах такого не было никогда. Титулы наследовались исключительно по порядку рождения.

Тот, кто наследует титул, должен рассматривать его как должность управляющего. Если лорд или леди оказывались настолько глупы, что вырубали слишком много леса сразу, или запускали виноградники, или не заботились о том, чтобы улучшить породу животных в стадах, народ герцогства мог просить королевского правосудия. Такое бывало, и любой представитель знати понимает, что это может случиться и впредь. Благосостояние людей зависит от герцога, и народ имеет право протестовать, если герцог плохо им управляет.

Когда носитель титула вступает в брак, предполагается, что он должен помнить о своей ответственности. Избраннику или избраннице правителя также следует понимать, что, заключая союз, он или она берет на себя обязанности управляющего. По этой причине супруг, носящий более низкий титул, должен при вступлении в брак передать его наследнику. Закон позволяет управлять

только одним владением, что порой служило причиной раздоров. Король Шрюд женился на леди Дизайер, которая была бы герцогиней Фарроу, если бы не приняла его предложение и не решила стать королевой. Говорят, она начала сожалеть о своем решении и убедила себя, что если бы она оставалась герцогиней, то обладала бы гораздо большей властью. Она вышла замуж за Шрюда, прекрасно зная, что она его вторая жена и что первая уже родила ему двоих наследников. Она никогда не скрывала пренебрежения к двум старшим принцам и часто утверждала, что, поскольку она более знатного рода, чем первая жена короля, ее сын Регал Царственный более достоин трона, чем два его единокровных брата. Именно для того, чтобы подчеркнуть это, она нарекла сына таким именем. К несчастью для королевы, большинство восприняло эту уловку как проявление дурного вкуса. Некоторые насмешливо обращались к ней как к «королеве Внутренних герцогств», поскольку, будучи пьяна, она утверждала, что у нее достаточно политического влияния, чтобы объединить Фарроу и Тилт в новое королевство, которое по ее наказу отринет власть короля Шрюда. Но окружающие не обращали на нее внимания из-за пристрастия королевы к алкоголю и дурманящим травам. Очевидно, что прежде, чем пагубные привычки свели ее в могилу, королева успела употребить свое влияние, чтобы углубить раскол между Внутренними и Прибрежными герцогствами.

Я стал с нетерпением ожидать ночных встреч с Чейдом. Никакого расписания у него не было, было совершенно невозможно предсказать, когда снова придет пора подниматься в башню. Иногда между встречами могла пройти неделя или даже две, а порой наставник вызывал меня каждую ночь всю неделю кряду, я не высыпался и дни напролет клевал носом. Бывало, что он вызывал меня, как только замок отходил ко сну. А иногда – наоборот, в самые ранние утренние часы. Для растущего мальчика было нелегко выдерживать такое напряженное расписание, тем не менее мне и в голову не приходило упрекнуть Чейда или отказаться от одной из наших встреч. Похоже, он не представлял, насколько ночные занятия трудны для меня, так как сам был ночным человеком. Это время суток, очевидно, казалось ему наиболее естественным, чтобы учить меня. И ночные часы как нельзя лучше подходили к тому, что я узнавал на его уроках.

Наши занятия отличались удивительным разнообразием. Один вечер я мог провести, прилежно изучая иллюстрации огромного травника, причем мне было велено на следующий день собрать шесть образцов, соответствующих этим иллюстрациям. Наставник ни словом не намекнул, где я должен искать эти травы: в кухонном саду или в самых темных уголках леса. Но мне удалось отыскать их, а во время поисков я оттачивал наблюдательность.

А порой мы с Чейдом играли в игры. Например, он мог

дать мне задание подойти утром к Саре, поварихе, и спросить ее, какой в этом году бекон, более постный, чем в прошлом, или нет. А вечером надо было передать весь разговор Чейду настолько точно, насколько я мог, да в придачу ответить на дюжину вопросов о том, как стояла повариха, и не левша ли она, и не казалась ли она глуховатой, и что делала в это время. Мои застенчивость и сдержанность никогда не принимались как уважительная причина, оправдывающая неудачу при выполнении такого задания, и таким образом мне пришлось познакомиться со многими замковыми слугами. И хотя я задавал вопросы лишь по наущению Чейда, все, с кем я говорил, радовались моему интересу и с готовностью мне отвечали. Так, совершенно ненамеренно, я начал завоевывать репутацию шустрого мальчика и хорошего парня. Годы спустя я понял, что этот урок был не просто упражнением для памяти, но еще и наставлением, как быстро подружиться с простыми людьми и узнать, что у них на уме. Много раз с тех пор дружелюбная улыбка, комплимент по поводу того, как хорошо вычищена моя лошадь, и брошенный невзначай вопрос конюшенному мальчику позволяли мне получить сведения, которые он не выдал бы за все деньги королевства.

Другие игры развивали мое самообладание, равно как и наблюдательность. В один прекрасный день Чейд показал мне моток пряжи и сказал, что, не спрашивая мастерицу Хести, я должен точно выяснить, где она держит запас такой пряжи и какие травы она использовала для окраски ее. Тре-

мя днями позже мне было велено стащить ее лучшие ножицы, спрятать их за определенной полкой в винном погребе на три часа, а потом вернуть на место, оставшись никем не замеченным. Такие упражнения будили во мне естественную мальчишескую любовь к озорству, и я редко терпел неудачу. Если же это случалось, я сам должен был искать выход. Чейд предупредил, что не будет защищать меня ни от чьего гнева, и посоветовал иметь наготове достойный предлог, чтобы объяснить, почему я нахожусь там, где не должен был находиться, или беру то, что мне не принадлежит.

Я очень хорошо научился лгать. Думаю, подобные навыки наставник прививал мне не случайно. Эти умения были азами науки убийства. И еще – ловкость рук и умение подкрадываться. Как ударить человека, чтобы он умер, не закричав. Как заколоть жертву, чтобы было как можно меньше крови. Я учился всему этому быстро и хорошо, расцветая, когда Чейд признавал ловкость моего ума. Вскоре он начал давать мне небольшие поручения в замке. Он никогда не говорил мне до выполнения задания, было это очередное испытание моей сообразительности или настоящая работа, которая была нужна ему. Меня это и не интересовало. Я исполнял все в безоглядной преданности Чейду и всем его приказаниям. Весной он обработал винные чаши делегации торговцев Удачного так, что посланцы опьянели куда сильнее, чем им хотелось. Позже, в тот же месяц, я стащил у заезжего кукольника одну из кукол и спрятал ее, так что ему пришлось

представить «Две разбитые чашки» – легкомысленную коротенькую народную пьеску – вместо длинной исторической драмы, которую он планировал на вечер. На празднике Середины Лета я добавил некой травки в послеполуденную чашку чая одной служанки, и у нее и трех ее приятельниц сделалось расстройство желудка, и они не смогли прислуживать за столом. Осенью я обвязал ниткой копыто лошади гостившего в замке лорда, чтобы она захромала и лорд задержался в Баккипе на два дня дольше, чем собирался. Я никогда не узнал, почему Чейд давал мне все эти задания. Тогда я думал больше о том, как выполнить поручение, а не зачем это нужно. И, как я думаю теперь, эту науку наставник тоже преподавал мне намеренно: подчиняться, не спрашивая.

Было одно поручение, которое совершенно меня восхищало. Даже в то время я понял, что это распоряжение не было обычной прихотью Чейда. Он вызвал меня перед самым рассветом.

– Лорд Джессуп и его леди гостят у нас последние две недели. Ты знаешь их в лицо: у него очень длинные усы, а она все время носит ее со своими волосами, даже за столом. Вспомнил их?

Я сосредоточенно нахмурился. Множество лордов и леди собралось в Оленьем замке, чтобы держать совет и обсудить участвовавшие набеги пиратов с Внешних островов. Я сделал вывод, что Прибрежные герцогства хотели увеличить число военных кораблей, но Внутренние герцогства не соглаша-

лись давать средства от налогов на то, что они считали чисто прибрежной проблемой. Лорд Джессуп и леди Далия жили далеко от побережья. Джессуп отличался редкостно бурным темпераментом, равно как и его усы, которые постоянно возмущенно топорщились. Леди Далия, с другой стороны, казалось, совершенно не интересовалась этим советом, а проводила большую часть времени, обследуя замок.

– Она постоянно втыкает цветы в волосы, а они все время вываливаются? – спросил я.

– Она самая, – ответил Чейд выразительно. – Хорошо. Ты знаешь ее. Теперь вот твоя задача, и у меня нет времени, чтобы вместе с тобой планировать, как с ней справиться. Сегодня в какой-то момент леди Далия отправит посыльного в комнату принца Регала. Паж отнесет туда некую мелочь: записку, цветок, какой-нибудь предмет. Ты уберешь принесенное из комнаты Регала, прежде чем он это увидит.

Я кивнул и открыл рот, чтобы что-то сказать, но Чейд внезапно встал и почти выгнал меня из комнаты.

– Нет времени, уже светает! – заявил он.

Я ухитрился спрятаться в комнате Регала и дожидаться там посыльного – это оказалась девушка. По тому, как она прошмыгнула в покои принца, я уверился, что это не первое ее поручение. Она положила крошечный свиток и цветочный бутон на подушку Регала и выскользнула из комнаты. В мгновение ока и то и другое оказалось в моем камзоле, а позже под моей подушкой. Думаю, что самой трудной частью

задачи было удержаться и не открыть свиток. Поздно ночью я отдал Чейду свиток и цветок.

В течение следующих нескольких дней я ждал, уверенный, что последует какая-то бурная реакция, и надеясь увидеть Регала совершенно расстроенным. К моему удивлению, ничего не произошло. Регал оставался самим собой, если не считать того, что вел себя даже более резко, чем обычно, и, казалось, флиртовал даже более нагло с каждой дамой. Леди Далия внезапно заинтересовалась проведением Совета и огорошила мужа, горячо поддержав введение налогов в пользу строительства военных кораблей. Королева выразила недовольство этой переменой, отстранив леди Далию от дегустации вина в королевских покоях. Все это заинтриговало меня, но когда я наконец спросил об этом у Чейда, он упрекнул меня:

– Помни, ты человек короля. Ты получаешь задание и исполняешь его. И должен быть доволен уже тем, что ты справился с поручением: это все, что тебе следует знать. Только Шрюд может планировать и строить свою игру. Ты и я, мы, возможно, просто пешки, но лучшие из тех, что есть у него в распоряжении. Будь в этом уверен.

Но вскоре Чейд обнаружил границы моего подчинения. Чтобы заставить лошадь захромать, он предложил мне повредить копыта животного. Я с ходу отменил этот путь и с величайшей убедительностью человека, выросшего среди лошадей, сообщил ему, что есть много способов заставить ло-

шадь хромать, не причинив ей вреда, и что он должен доверить мне выбрать один из таких способов. До сегодняшнего дня я не знаю, как Чейд отнесся к моему отказу. Он тогда не сказал ничего, не одобрил мои действия, но и не отругал меня. Это был один из многих случаев, когда он оставил свое мнение при себе.

Примерно раз в три месяца король Шрюд вызывал меня в свои покои. Обычно приглашение мне передавали рано утром. Я стоял перед ним, часто в то время, когда он принимал ванну, или тогда, когда его волосы укладывали в перевитую золотой проволокой косу, которую мог носить только король, или пока камердинер раскладывал королевские одеяния. Ритуал всегда был один и тот же. Шрюд внимательно оглядывал меня, оценивая, насколько я вырос и хорошо ли ухожен, как будто смотрел на лошадь, которую собирается покупать. Обычно он задавал несколько вопросов о моих успехах в верховой езде и владении мечом и серьезно выслушивал мои краткие ответы. А потом он спрашивал почти официальным тоном:

– Ну как, я соблюдаю наш договор?

– Да, сир, – отвечал я.

– Тогда смотри тоже не отступай от него, – каждый раз говорил король, после чего мне разрешали удалиться.

И какой бы слуга ни прислуживал ему или ни открывал мне дверь, никто из них, казалось, не замечал ни меня, ни слов короля, ко мне обращенных. Год подошел к концу, и

приблизительно в это время я получил самое трудное задание.

Чейд вызвал меня к себе почти сразу после того, как я задул свечу, собираясь уснуть. Мы ели конфеты и пили вино со специями, сидя перед очагом в его комнате. Наставник хвалил меня за выполнение последнего поручения, в котором от меня требовалось вывернуть наизнанку все до единой рубашки, сушившиеся на веревке у прачечной, но так, чтобы меня никто не заметил. Это была трудная работа. Самая сложная часть ее заключалась в том, чтобы удержаться от громкого смеха и не выдать своего убежища в бочке из-под краски, в то время как два самых молодых парня из прачечной приписывали мою проделку водяным духам и отказывались стирать в этот день. Чейд, как обычно, знал всю историю еще до того, как я ему доложил. Он доставил мне большое удовольствие, рассказав, что мастер Лю из прачечной решил, что надо повесить в каждом углу двора травку синджона и обвить гирляндой из нее каждый колодец, чтобы духи не испортили завтрашнюю работу.

– У тебя дар к этому, мальчик, – посмеивался Чейд, взъерошивая мои волосы. – Я начинаю подозревать, что не в состоянии придумать задание, которое бы ты не смог выполнить.

Он сидел в кресле с прямой спинкой перед камином, а я устроился на полу около него, прислонившись к его ноге. Он поглаживал меня так, как Баррич мог бы поглаживать моло-

дую легавую собаку, которая хорошо себя вела. Потом Чейд наклонился и тихо сказал:

– Но у меня есть для тебя дело.

– Какое? – спросил я нетерпеливо.

– Но это будет трудно даже для того, у кого такая легкая рука, как у тебя, – предупредил он.

– Испытай меня! – бросил я ответный вызов.

– О, может быть, через месяц или два, когда ты еще немного подучишься. А пока я хочу тебя обучить одной игре. Она отточит твой глаз и твою память. – Он сунул руку в мешочек и вынул пригоршню чего-то, потом быстро раскрыл передо мной ладонь. Там оказались цветные камешки. Чейд тут же снова сжал кулак. – Были там желтые?

– Да, Чейд. А какое дело?

– Сколько?

– Два, по-моему. Чейд, бьюсь об заклад, я справлюсь с этим уже сейчас.

– А могло там быть больше двух?

– Может быть, если они были полностью скрыты под верхним слоем. Не думаю, что это вероятно. Чейд, что за дело?

Он раскрыл костлявую руку и размешал камни длинным указательным пальцем.

– Ты был прав. Только два желтых. Повторим?

– Чейд, я справлюсь.

– Ты так думаешь, да? Смотри еще раз. Вот камни. Раз, два, три. Все, больше нет. Были там красные?

– Да, Чейд. А что за задание?

– Там было больше красных, чем синих? Принеси мне кое-что личное с ночного столика короля.

– Что?

– Красных было больше, чем синих?

– Нет, я спрашиваю про работу.

– Неправильно, мальчик, – весело произнес Чейд. Он раскрыл кулак. – Видишь? Три красных и три синих. Совершенно одинаково. Тебе надо учиться запоминать быстрее, если ты хочешь принять мой вызов.

– И семь зеленых. Я знаю это, Чейд. Но... ты хочешь, чтобы я украл у короля? – Я не мог поверить своим ушам.

– Не украсть, а просто позаимствовать. Как ты сделал с ножницами Хести. В такой проделке нет никакого вреда, верно?

– Никакого, не считая того, что меня высекут, если поймают. Или еще похуже.

– А ты боишься, что тебя поймают? Видишь, я же говорил тебе, что лучше подождать месяц-другой, пока ты не станешь более ловким.

– Дело не в наказании. Дело в том, что, если меня поймают... Король и я... Мы заключили договор.

Слова застряли у меня в горле. Я в смущении смотрел на наставника. Обучение у Чейда было частью сделки, которую заключили Шрюд и я. Каждый раз, когда мы встречались, прежде чем начать учить меня, наставник официально на-

поминал мне об этом договоре. Я дал Чейду, так же как и Шрюду, слово, что буду верен королю. Конечно же, он должен понимать, что если я буду действовать против короля, то нарушу свою часть договора.

– Это игра, мальчик, – терпеливо сказал Чейд. – Маленькое озорство, вот и все. На самом деле это совсем не так серьезно, как ты, видимо, думаешь. Единственная причина, по которой я хочу дать тебе такое задание, это то, что за комнатой короля и его вещами очень тщательно наблюдают. Каждый может сбежать с ножницами портнихи. А сейчас мы говорим о настоящем воровстве – войти в личные покои короля и взять то, что принадлежит ему. Если бы ты смог это сделать, я бы поверил, что недаром тратил время, обучая тебя. Я бы почувствовал, что ты ценишь то, чему я тебя учу.

– Ты знаешь, что я ценю твои уроки, – сказал я быстро. Дело было совсем не в этом. Чейд, видимо, совершенно не понимал меня. – Я бы чувствовал, что изменяю королю. Как будто я использую то, чему ты меня научил, чтобы обмануть его. Почти как если бы я смеялся над ним.

– Ах! – Чейд откинулся на спинку кресла, он улыбался. – Пусть это тебя не беспокоит, мальчик. Король Шрюд может оценить хорошую шутку, если ему объяснят ее. Что бы ты ни взял, я сам верну это ему. Это будет для него знак того, как хорошо я учил тебя и как хорошо ты учился. Возьми что-нибудь простое, если это так тебя беспокоит. Это необязательно должна быть корона с его головы или кольцо с паль-

ца. Просто щетка для волос или любой клочок бумаги – сойдут даже перчатка или пояс. Ничего сколько-нибудь ценного. Просто знак.

Я подумал, что надо бы помолчать и поразмыслить, но знал, что не нуждаюсь в этом.

– Я не могу этого сделать. То есть я не буду это делать. Не у короля Шрюда. Назови любого другого, любую другую комнату – и я это сделаю. Помнишь, как я стащил письмо у Регала? Увидишь, я могу пробраться куда угодно, и...

– Мальчик! – Чейд говорил медленно, озадаченно. – Разве ты не доверяешь мне? Говорю тебе, все в порядке. Это просто испытание, о котором мы говорили, а не предательство. И на этот раз, если тебя поймают, я обещаю, что тут же вступлюсь и все объясню. Ты не будешь наказан.

– Не в этом дело, – горячо возразил я. Мне показалось, что Чейд все больше и больше удивляется моему отказу. Я копался в себе, чтобы найти слова и объяснить ему: – Я обещал хранить верность Шрюду, а это...

– Речь не идет о чем-то дурном, – отрезал Чейд.

Я поднял голову и увидел сердитый блеск его глаз. Испугавшись, я отшатнулся. Никогда раньше он не смотрел на меня так свирепо.

– Что ты несешь, мальчик? Что я прошу тебя предать твоего короля? Не будь дураком! Это простая проверка, мой способ испытать тебя и показать Шрюду, чему ты научился. А ты противишься. Да еще пытаешься прикрыть трусость

болтовней о преданности. Мальчик, ты позоришь меня. Я думал, что характер у тебя тверже, иначе никогда бы не согласился учить тебя.

– Чейд!.. – начал я в ужасе.

Его слова выбили у меня почву из-под ног. Он отвернулся, и я почувствовал, что мой маленький мир рушится, а наставник холодно продолжал:

– Лучше возвращайся в постель, маленький мальчик. Подумай хорошенько, как ты оскорбил меня сегодня. Сказать, что я каким-то образом хотел изменить нашему королю! Ползи вниз, ты, маленький трус! В следующий раз, когда я позову тебя... Ха, *если* я позову тебя, приходи, готовый подчиняться мне, или не приходи вовсе. Теперь ступай.

Никогда раньше Чейд так со мной не разговаривал. Даже не повышал голос. Я смотрел, почти не понимая, на тонкую, покрытую мелкими шрамами руку, на длинный палец, который с таким презрением указывал мне на дверь и лестницу. Когда я встал, мне было дурно. Меня шатало, и мне пришлось держаться за кресло, когда я проходил мимо. Но я шел, выполняя его приказ и не в силах найти другой выход. Чейд, ставший главной опорой моего мира, заставивший меня поверить, что я чего-то стою, сейчас отнимал у меня все это. Он лишал меня не только своего одобрения, но и часов, которые я проводил с ним, и чувства, что я все-таки стану чем-то в жизни. Спотыкаясь, я спускался по лестнице. Никогда раньше она не казалась мне такой длинной и такой хо-

лодной. Нижняя дверь со скрипом закрылась за мной, и я остался в полной темноте. Ощупью я нашел дорогу к постели. Одежда не могла меня согреть, и сон бежал от меня этой ночью. Я до утра мучительно ворочался с боку на бок. Хуже всего, что я ни на миг не усомнился в своем решении. Я не мог сделать то, о чем меня просил Чейд. Поэтому я потеряю его. Без его наставлений я не буду представлять для короля никакой ценности. Но страдал я не поэтому. Мне невыносима была мысль, что Чейд уйдет из моей жизни. Теперь я не мог вспомнить, как существовал прежде, когда был так одинок. Вернуться к прежней рутине, влачить жалкое существование день за днем от одного урока к другому – казалось, это невозможно. Я отчаянно пытался придумать, что делать, но ответа не находил. Я мог пойти к самому Шрюду, показать ему мою булавку и рассказать о своих терзаниях. Но что он ответит? Посмотрит ли на меня как на глупого маленького мальчика? Скажет, что мне следовало подчиниться Чейду? Или, еще хуже, скажет, что я был прав, не соглашаясь выполнить поручение Чейда, и рассердится уже на Чейда? Это были слишком трудные для мальчика вопросы, и я не нашел ни одного ответа, который мог бы мне помочь.

Когда наконец наступило утро, я проснулся, выполз из кровати и, как обычно, доложил Барричу. Я занимался своими делами почти в полусне. Сперва он выругал меня за это, потом провел расследование по поводу состояния моего желудка. Я просто сказал ему, что плохо спал, и он отпустил

меня без грозившего мне укрепляющего снадобья. Не лучше обстояли дела и в оружейной. Мое смятенное состояние настолько выбило меня из колеи, что я позволил мальчику, который был гораздо младше меня, обрушить мощный удар на мой череп. Ходд выругала нас обоих за небрежность и велела мне немного посидеть.

Когда я вернулся в замок, в голове у меня стучало, а ноги дрожали. Я пошел в свою комнату, потому что у меня не было сил ни для дневной трапезы, ни для громких разговоров, которые ей сопутствовали. Я лег, намереваясь только на мгновение прикрыть глаза, но погрузился в глубокий сон. Ближе к вечеру я проснулся и подумал о выволочке, которая предстояла мне за пропуск дневных уроков. Но этой мысли было недостаточно, чтобы прогнать дремоту, и я снова заснул. Перед самым ужином меня разбудила служанка, которая пришла поинтересоваться моим самочувствием по просьбе Баррича. Я отослал ее, сказав, что у меня расстройство желудка и я собираюсь поститься, пока мне не станет лучше. После того как она ушла, я задремал, но не спал. Не мог. Темнота сгустилась в моей неосвященной комнате, и я слышал, как замок вокруг отходит ко сну. В темноте и тишине я лежал, ожидая вызова, на который все равно не посмел бы ответить. Что, если дверь откроется? И я не смогу пойти к Чейду, потому что не смогу подчиниться ему. Что хуже: если он не позовет меня или если он откроет мне дверь, а я не посмею войти? Я терзался всю ночь, и, когда за окошком

посветлело, ответ был найден: Чейд не удосужился позвать меня.

Даже сейчас я не люблю вспоминать следующие несколько дней. Сердце мое разрывалось, и я не мог ни есть, ни спать. Я не мог сосредоточиться ни на какой работе и принимал упреки моих учителей с хмурым безразличием. Голова моя раскалывалась от боли, а в желудке были такие спазмы, что я совершенно не мог есть. Мне становилось дурно при одной мысли о еде. Баррич терпел это два дня, а потом загнал меня в угол и влил мне в горло глоток согревающего и немного средства, очищающего кровь. Эта комбинация заставила мой желудок извергнуть из себя то небольшое, что я съел в тот день. После этого Баррич заставил меня промыть рот сливовым вином, и я по сей день не могу выносить его вкус. Потом он поразил меня до глубины души: отволок вверх по лестнице в свою комнату и грубовато приказал лежать там целый день. Когда наступил вечер, Баррич погнал меня в замок, и под его бдительным присмотром я был вынужден проглотить миску водянистого супа и толстый ломоть хлеба. Он хотел снова взять меня к себе на чердак, но я настоял на том, чтобы вернуться в мою собственную постель. На самом деле мне следовало быть в своей комнате. Я должен был знать, позовет меня Чейд или нет, вне зависимости от того, смогу ли я пойти. Всю следующую бессонную ночь я смотрел в темный угол моей комнаты. Но Чейд меня не позвал.

Небо за окном стало серым. Я перевернулся на другой бок

и остался в постели. Глубина одиночества, навалившегося на меня, была слишком всеобъемлющей, чтобы я мог с ней бороться. Все варианты, которые я тысячи раз перебирал в уме, должны были привести к печальному концу. Я не мог решиться даже на такое ничтожное дело, как вылезти из кровати. Что-то вроде болезненной апатии охватило меня. Любой звук рядом казался слишком громким, и мне было то слишком жарко, то слишком холодно, как я ни возился со своими одеялами. Я закрыл глаза, но даже мои сны были яркими и надоедливymi: спорящие голоса, такие громкие, как будто говорившие стояли у моей постели, и тем более неприятные, поскольку это звучало, как если бы один человек спорил сам с собой и принимал попеременно обе стороны.

«Сломай его, как сломал его предшественника, – бормотал сердито человек из моего сна. – Всё твои дурацкие испытания!» И потом: «Осторожность никогда не помешает. Нельзя обличать доверием кого попало. Кровь скажется. Испытай его силу воли, вот и все». И другой: «Сила воли! Железная воля! Ты хочешь получить безмозглое орудие. Иди и выковывай его сам. Бей – и получишь нужную форму». И тише: «Это мне не нравится. Я больше не позволю себя использовать. Если ты хотел испытать меня, то ты сделал это». Потом: «Не говори мне о крови и семье! Вспомни, кем я тебе прихожусь. Это не о его преданности она печется и не о моей».

Сердитые голоса стихли, слившись в единый гул, потом

начался новый спор, на этот раз более громкий. Я с усилием открыл глаза. Моя комната превратилась в поле недолгой битвы. Я проснулся под звуки жаркого спора Баррича и мастерицы Хести, под чью юрисдикцию я попал. У нее была плетеная корзинка, из которой торчали горлышки бутылок. Запах горчичного пластыря и ромашки был так силен, что меня чуть не вырвало. Баррич стоически преграждал ей путь к моей постели. Руки его были скрещены на груди, и Рыжая сидела у его ног. Слова Хести грохотали у меня в голове, как камнепад.

«В замке». «Эти чистые простыни». «Знаю мальчиков». «Эта вонючая собака». Я не помню, чтобы Баррич сказал хоть слово. Он просто стоял так твердо, что я мог ощущать его с закрытыми глазами.

Позже он исчез, но Рыжая осталась на кровати, и не в ногах, а рядом со мной. Она тяжело дышала, но отказывалась слезть и улечься на прохладном полу. Я снова открыл глаза еще позже, уже ранним вечером. Баррич вытащил мою подушку, немного повзбивал и неуклюже запихнул ее под мою голову холодной стороной кверху. Потом он тяжело опустился на кровать, откашлялся.

– Фитц, с тобой что-то стряслось. Раньше я такой хвори не видел. Во всяком случае, что бы с тобой ни случилось, ни твои потроха, ни твоя кровь тут ни при чем. Будь ты чуть постарше, я бы заподозрил, что у тебя какие-то проблемы с женщинами. Ты похож на солдата после трехдневного запоя,

хотя вина не пил. Мальчик, что с тобой случилось?

Баррич смотрел на меня с искренней тревогой. Такое же лицо было у него, когда он боялся, что кобыла может выкинуть, или когда охотники приводили собак, пораненных кабанам. Это каким-то образом дошло до меня, и, сам того не желая, я начал мысленно прощупывать его. Как всегда, стена была на месте, но Рыжая немного поскулила и положила морду поближе к моей щеке. Я пытался выразить то, что происходило у меня внутри, не выдавая Чейда.

– Мне ужасно одиноко сейчас, – услышал я собственные слова, и даже мне самому они показались жалкими.

– Одиноко? – Баррич поднял брови. – Фитц, я же здесь. Как ты можешь говорить, что тебе одиноко?

И на этом наш разговор закончился. Оба мы смотрели друг на друга и ничего не понимали. Позже Баррич принес мне завтрак, но не настаивал, чтобы я его съел. И он оставил со мной на ночь Рыжую. Часть меня волновалась о том, что будет делать собака, если вдруг откроется дверь, но большая часть меня знала, что беспокоиться не о чем: эта дверь не откроется больше никогда.

Снова пришло утро. И Рыжая ткнулась в меня носом и закулила, просясь выйти. Я чувствовал себя совсем разбитым и особенно не беспокоился о том, что Баррич может меня поймать. Поэтому я прощупал ее сознание. Она была голодна, хотела пить, и ее мочевого пузырь готов был лопнуть. Ее беспокойство неожиданно стало моим собственным. Я натя-

нул рубашку и спустился с собакой вниз по лестнице, а потом отвел ее на кухню, чтобы накормить. Повариха обрадовалась мне, чего я совершенно не ожидал. Рыжая получила большую порцию вчерашнего тушеного мяса. Кухарка настаивала на том, чтобы сделать мне шесть бутербродов из толстых кусков бекона и хрустящей корочки первого хлеба, испеченного этим утром. Тонкое чутье Рыжей и ее волчий аппетит обострили мои собственные чувства, и я обнаружил, что ем не вяло, а со свойственным юному существу азартом.

Из кухни Рыжая повела меня в конюшню, и хотя я уже оторвал от нее свое сознание, но все же почувствовал, что от этого контакта нечто во мне возродилось. Баррич занимался какой-то работой. При моем появлении он выпрямился, оглядел меня, посмотрел на собаку, проворчал что-то себе под нос и потом передал мне бутылку с молоком и тряпочку.

– В человеческой голове не много такого, что не может быть излечено работой и заботой о других. Крысоловка ошенилась несколько дней назад, и один щенок слишком слаб, чтобы бороться с остальными. Посмотри, сможешь ли сделать так, чтобы он прожил сегодняшний день.

Это был некрасивый маленький щенок, розовое брюшко просвечивало сквозь пеструю шерстку. Глаза его еще были плотно закрыты, а лишняя кожа, которая понадобится ему, когда он вырастет, топорщилась складками на мордочке. Тоненький хвостик выглядел совершенно как крысиный, я даже удивился, что его мать не замучила собственных щенят

из-за этого сходства. Он был слабенький и вялый, но я приставал к нему с соской и теплым молоком, пока он не сосал немного, и как следует обрызгал щенка, чтобы побудить Крысоловку его вылизать. Я оторвал одну из его сильных сестричек от соска и сунул щенка на ее место. В любом случае ее маленький животик был уже круглым и полным, она сосала уже только ради удовольствия. Эта девочка должна была стать белой, с черным пятнышком над одним глазом. Она поймала мой мизинец и принялась сосать его. Уже чувствовалась огромная сила, которая в будущем появится в этих челюстях. Баррич рассказывал мне о крысоловах, о том, как они вцепляются в нос быку и висят, что бы тот ни делал. Он не понимал, какой прок учить этому собаку, но не мог не уважать мужества собаки, которая не боится быка. Наши крысоловы предназначались для ловли крыс и охраняли амбары и кормушки с зерном.

Я провел в конюшне все утро и ушел в полдень, с наслаждением вспоминая маленькое брюшко моего щенка, круглое и тугое от молока. Вторая половина дня прошла за чистой стойл. Баррич держал меня там, все время находя для меня новые дела, чтобы у меня не оставалось времени ни для чего, кроме работы. Он не разговаривал со мной, не задавал никаких вопросов, но все время оказывалось, что Баррич работает всего в нескольких шагах от меня. Похоже, он воспринял мою жалобу на одиночество слишком буквально и решил все время держаться поблизости. Я закончил этот

день с моим щенком, который уже заметно окреп. Я прижал его к груди, и он забрался ко мне под подбородок, его тупая маленькая мордочка тыкалась мне в шею в поисках молока. Было щекотно. Я оторвал его от себя и посмотрел на него. У него будет розовый носик. Говорят, крысоловы с розовыми носами – самые свирепые драчуны. Но этот маленький разум сейчас был всего лишь теплым комочком, желающим молока, покоя и полным любви к моему запаху. Я окутал его своей защитой и похвалил за то, как он набрался силенок за этот день. Щенок вертелся у меня на руках. И Баррич, перегнувшись через стенку стойла, постучал кончиками пальцев по моей голове, вызвав двойной визг – щенка и мой.

– Хватит, – жестко предупредил он меня, – не мужское это дело. И это не снимет того, что грызет твою душу. Теперь верни щенка матери.

Так я и сделал, но без всякой охоты. Я был совсем не уверен, что Баррич прав и связь со щенком не залечит мою душу. Я тянулся к этому теплому маленькому миру – сена, щенков, молока и их матери. В тот момент я не мог представить себе ничего лучшего.

Потом Баррич и я пошли поесть. Он отвел меня в солдатскую столовую, где все было попросту и никто не требовал, чтобы с ним разговаривали. Никто не обращал на меня внимания, еду передавали прямо через мою голову, не было никаких слуг, и это меня успокаивало. Баррич, однако, проследил, чтобы я поел, а потом мы сидели снаружи, у зад-

них дверей кухни, и пили. Мне раньше случалось пить пиво, эль и вино, но я никогда специально не напивался. Теперь Баррич научил меня этому. Повариха посмела выйти и выбрать его за то, что он дает мальчишке крепкие напитки, но Баррич только молча и сердито взглянул на нее, отчего я сразу вспомнил о ночи, когда впервые встретил его, – тогда он противостоял целой комнате грубых солдат, защищая доброе имя Чивэла. И повариха ушла.

Баррич сам отвел меня в мою комнату в замке. Я стоял, покачиваясь, а он стащил с меня рубаху, небрежно толкнул к кровати и, когда я упал на нее, швырнул сверху одеяло.

– Теперь спи, – прохрипел он. – А завтра мы опять сделаем то же самое. И опять. До тех пор, пока в один прекрасный день ты не обнаружишь: что бы с тобой ни случилось, оно тебя не убило и жизнь продолжается.

Он задул мою свечу и ушел. Голова у меня кружилась, тело ломало от дневной работы. Но я все равно не спал. Внезапно я обнаружил, что плачу. Спиртное высвободило то, что я держал в себе все эти дни, и я зарыдал. Не тихо, нет. Я всхлипывал, икал, кричал, челюсть моя тряслась. Горло свело, нос тек, я плакал так сильно, что готов был задохнуться. Думаю, я выплакал все слезы, которых я не проливал с тех пор, как мой дед заставил мою мать бросить меня.

– Гнусь! – услышал я собственный крик.

И тут меня крепко обняли чьи-то руки. Это был Чейд. Он прижимал меня к себе и укачивал, как будто я был совсем

маленьким ребенком. Даже в темноте я узнал эти костлявые руки и запах травы и пыли. Не веря, я вцепился в него и плакал, пока не охрип, а рот мой не пересох так, что я уже не мог издать ни звука.

– Ты был прав, – успокаивающе прошептал он в мои волосы. – Ты был прав. Я просил тебя сделать что-то плохое, и ты был прав, когда отказался. Тебя никогда не будут больше так испытывать. Во всяком случае, я не буду.

И когда я наконец затих, он оставил меня на некоторое время, а потом принес тепловатый и почти безвкусный напиток – не воду. Он поднес кружку к моим губам, и я выпил все, не задавая вопросов. Потом я снова лег и тут же провалился в сон, даже не заметив, как Чейд покинул мою комнату.

Я проснулся перед рассветом, плотно позавтракал и доложил Барричу. Работа у меня спорилась, я был внимателен к его поручениям и никак не мог понять, почему Баррич проснулся таким ворчливым и с тяжелой головой. Он пробормотал что-то насчет отцовской устойчивости к выпивке, а потом рано отпустил меня, сказав, чтобы я насвистывал где-нибудь в другом месте.

Тремя днями позже король Шрюд вызвал меня к себе на рассвете. Он был уже одет, и на столе стоял поднос. Еды на нем было больше, чем на одну персону. Когда я вошел, он отослал слугу и велел мне сесть. Я опустился на стул у маленького стола, и король, не спрашивая, голоден ли я, собственноручно положил мне еды и сел напротив, чтобы раз-

делить со мной трапезу. Я уловил смысл этого жеста и все же не мог заставить себя много есть. Шрюд говорил только о еде и ничего не сказал о договоре, преданности и необходимости держать слово. Увидев, что я закончил, король отодвинул свою тарелку и неловко замялся.

– Это была моя идея, – сказал он наконец почти грубо. – Не его. Ему это с самого начала не понравилось. Я настаивал. Когда будешь старше – поймешь. Я не могу рисковать. Но я обещал ему, что ты узнаешь это от меня самого. Все это задумал я, он тут ни при чем. И я никогда снова не попрошу его испытывать тебя таким образом. Слово короля.

Он жестом отослал меня. Я встал, но, поднимаясь, взял с подноса маленький серебряный нож, украшенный гравировкой, которым король пользовался, чтобы резать фрукты. При этом я смотрел ему прямо в глаза и, ничуть не скрываясь, убрал нож себе в рукав. Глаза короля Шрюда расширились, но он не сказал ни слова.

Двумя ночами позже, когда Чейд позвал меня, наши уроки возобновились, как будто никогда не прекращались. Он говорил, я слушал. Я играл в его игру с камешками и ни разу не ошибся. Он давал мне задания, и мы перешучивались. Он показал мне, как Проньра, ласка, танцует за кусочек колбасы. Между нами все снова было хорошо. Но прежде чем покинуть его комнату этой ночью, я подошел к камину. Без единого слова я вонзил маленький ножик в дерево каминной полки. Потом я ушел, так ничего и не сказав и не встретив-

шись с Чейдом взглядом. Больше мы об этом никогда не говорили.

Я думаю, что нож остается там и по сей день.

Глава 6

Тень Чивэла

Есть два предания о том, откуда повелось давать королевским отпрыскам имена, внушающие им свойства или способности. Согласно первому, более известному, когда таких детей учат Силе, имя каким-то образом привязывается к человеку и он не может вырасти, не обладая свойством, которое обозначено именем. Этому особенно упорно верят те, кто наиболее склонен снимать шляпы в присутствии младшей знати.

Более древнее предание приписывает происхождение этой традиции воле случая. Говорят, что короля Тэйкера Завоевателя и короля Рулера Властвующего, первых пришедших с Внешних островов правителей страны, которая впоследствии стала Шестью Герцогствами, в действительности звали совершенно иначе. Их подлинные иноземные имена были лишь созвучны тем прозвищам, которые дал им народ завоеванной страны. Так и случилось, что эти правители стали известны и вошли в историю под именами, которые в действительности не более чем слова, близкие по произношению к именам, данным им при рождении. Простой народ стал верить, что мальчик, получивший звучное имя, вырастет благородным человеком. Такая вера только на руку

Мальчик!

Я поднял голову. Из полудюжины или около того других ребят, слоняющихся у огня, никто даже не вздрогнул. Девочки и вовсе не обратили внимания, когда я пересел к противоположной стороне низкого стола, где стоял на коленях мастер Федврен. Он освоил какую-то интонацию, по которой все сразу определяли, когда «мальчик» означает «мальчик», а когда «бастард».

Я запихнул колени под низкий столик и сел, потом протянул Федврону лист пористой бумаги. Пока он пробегал глазами мои аккуратные колонки букв, я позволил себе отвлечься.

Зима собрала и усадила нас здесь, в большом зале. Снаружи шторм хлестал стены замка, волны колотились о скалы с такой силой, что иногда даже чувствовалось, как вздрагивает каменный пол зала. Тяжелые тучи украли те несколько часов водянистого дневного света, которые нам оставила зима. Мне казалось, что темнота, будто туман, проникала всюду, затягивала мглой все вокруг, закрадывалась в души. Из-за постоянного полумрака глаза мои слипались, я чувствовал себя сонным, хотя и не устал. На мгновение я позволил своим чувствам выплеснуться на волю и ощутил зимнюю медлительность дремавших по углам собак. Даже они не смогли пробудить во мне ни мысли, ни образа.

Огонь горел во всех трех больших каминах, и разные

группы собрались перед каждым. У одного лучники занимались своей работой на случай, если завтра распогодится и можно будет отправиться на охоту. Мне хотелось быть там, где Шерф сочным голосом, который то становился громче, то интригуяще затихал, рассказывал очередную историю. Время от времени его прерывал одобрителный смех слушателей. У последнего очага звенели голоса поющих детей. Я узнал отчетливый мотив пастушьей песенки. Несколько присматривающих за детьми матерей постукивали ногами в такт, плетя кружево, в то время как иссохшие пальцы старого Джердана, перебиравшие струны арфы, заставляли детские голоса звучать почти верно.

У нашего очага собрались дети, достаточно большие для того, чтобы сидеть смирно и учить буквы. За нами приглядывал Федврен. От его острых синих глаз ничего не могло укрыться.

– Вот, – поправил он меня, – ты забыл перекрестить хвостики. Помнишь, как я тебе показывал? Джустик, открой глаза и вернись к перу. Еще раз задремлешь – и я пошлю тебя за дровами. Чарити, ты можешь помочь ему, если еще раз хихикнешь. А в остальном, – продолжал он, снова обращаясь ко мне, – ты делаешь успехи, и не только в письме буквами Шести Герцогств, но и в рунах Внешних островов, хотя их трудно нарисовать правильно на такой плохой бумаге. Она очень рыхлая и слишком впитывает чернила. Хорошо отбитые листы коры – вот что нужно для рун. – Он оценивающе

глянул на лист, над которым работал. – Продолжай в том же духе, и еще до конца зимы я позволю тебе сделать копию Лечебника королевы Бидвелл. Что ты на это скажешь?

Я попытался улыбнуться, чтобы выглядеть надлежащим образом польщенным. Копирование редко поручали ученикам: хорошей бумаги было слишком мало, а одно небрежное движение кисти могло загубить целый лист. Я знал, что Лечебник был простым описанием свойств трав со списком предсказаний, но всякое копирование считалось особой честью, которую следовало стремиться заслужить. Федврэн дал мне новый лист пористой бумаги. Когда я поднялся, чтобы вернуться на свое место, он жестом остановил меня.

– Мальчик...

Я молчал. Федврэн казался смущенным.

– Я не знаю, кого просить об этом, кроме тебя. По правилам я должен был бы обратиться к твоим родителям, но... – Он замялся и задумчиво почесал бороду испачканными в чернилах пальцами. – Зима скоро кончится, и я снова отправлюсь в путь. Ты знаешь, что я делаю летом, мальчик? Брожу по всем Шести Герцогствам, собирая корни, травы и ягоды для чернил и делая запасы для изготовления нужной мне бумаги. Это замечательная жизнь: свободно бродить по дорогам летом и гостить здесь, в замке, всю зиму. Много можно рассказать о том, как зарабатывают на жизнь письмом.

Федврэн задумчиво смотрел на меня. Я терялся в догад-

ках, к чему он клонит.

– Каждые несколько лет я беру помощника, – продолжал учитель. – Некоторые из них делают большие успехи и отправляются работать каллиграфами в меньшие замки. Другие – нет. У кого-то не хватает терпения для мелких деталей, или они не могут запомнить, как составлять чернила. Я полагаю, что ты достаточно упорен и у тебя хорошая память. Что ты думаешь о том, чтобы стать переписчиком?

Я не знал, что ответить, и молча смотрел на него. Дело было не только в том, чтобы стать переписчиком; удивляла сама идея Федврена сделать меня своим помощником, чтобы я ходил за ним по пятам и изучал секреты его мастерства. Несколько лет прошло с тех пор, как я заключил договор со старым королем. Не считая ночей в обществе Чейда и редких дней с Молли, меня никогда никто не находил достойным объектом для общения, не говоря уж о том, чтобы сделать меня своим помощником. Предложение Федврена лишило меня дара речи. Он, видимо, почувствовал мое смущение, потому что улыбнулся удивительной улыбкой – мудрой, но в то же время озорной.

– Подумай об этом, мальчик. Каллиграфия – это хорошее ремесло, а что еще тебя может ждать? Между нами говоря, думаю, время, проведенное вне Оленьего замка, может принести тебе пользу.

– Вне Оленьего замка? – повторил я удивленно.

Это было так, словно кто-то отдернул занавеску. Мне та-

кое никогда не приходило в голову. И тут мне ярко, радужно представились дороги, ведущие прочь из Баккипа, и потрепанные учебные карты обрели плоть, превратились в места, куда я мог бы пойти. Это как громом поразило меня.

– Да, – промолвил Федврэн, – вне Оленьего замка. Когда ты повзрослеешь, тень Чивэла станет тоньше. Она не всегда сможет прикрывать тебя. Лучше тебе, пока память о Чивэле не стерлась, стать самостоятельным человеком с собственной жизнью, которая бы удовлетворяла тебя. Но ты не должен отвечать мне сейчас. Подумай, может быть, обсуди это с Барричем.

Он протянул мне пористую бумагу и отослал меня на место. Я задумался над его предложением, но посоветоваться пошел не к Барричу. В самые ранние часы нового дня мы с Чейдом сидели на корточках, голова к голове, и я сгребал в кучу красные осколки разбитого горшка, который опрокинул Проныра, а Чейд собирал мелкие черные семена, разлетевшиеся по всему полу. Проныра взобрался по гобелену и виновато щебетал, но я чувствовал его восторг.

– Эти семена прибыли из самого Калибара, ты, маленький паршивец! – бранил его Чейд.

– Калибар... – эхом повторил я и попробовал закинуть удочку. – День пути от нашей границы с Песчаными пределами.

– Верно, мой мальчик, – одобрительно пробормотал Чейд.

– Ты там был когда-нибудь?

– Я? О нет. Я просто хотел сказать, что семена прибыли издалека. Мне пришлось посылать за ними в Фиркрест. У них там большой рынок, который притягивает купцов со всех Шести Герцогств и многих наших соседей.

– Фиркрест... А ты там бывал?

Чейд задумался.

– Раз или два, когда был моложе. Помню только шум и жару. На островах всегда так – слишком сухо и слишком жарко. Я был рад вернуться в Баккип.

– А был ты в каком-нибудь таком месте, которое понравилось бы тебе больше, чем Баккип?

Чейд медленно выпрямился с горстью мелких черных семян в бледной руке.

– Почему бы тебе не спросить прямо, вместо того чтобы бродить вокруг да около?

И я рассказал ему о предложении Федврена и о том, как понял внезапно, что карты – не просто линии и цветные пятна, а места и возможности. И я мог бы поехать туда и стать переписчиком или...

– Нет. – Чейд заговорил тихо, но твердо. – Не важно, куда ты поедешь, но все равно ты останешься бастардом Чивэла. Федврен более проницателен, чем я думал, но тем не менее он не понимает. Не все понимает. Он видит, что здесь, при дворе, ты навсегда останешься бастардом и будешь отчасти парией. Чего он не понимает, так это того, что здесь, пользуясь щедростью короля Шрюда, обучаясь под его присмот-

ром, ты не являешься угрозой для государя. Конечно, здесь тебя прикрывает тень Чивэла. Конечно, это тебя защищает. Но, оказавшись далеко отсюда и по-прежнему нуждаясь в защите, ты будешь представлять опасность для короля Шрюда и еще большую опасность для его наследников. Ты не получил бы свободной жизни бродячего писца. Скорее всего, в одно прекрасное утро тебя найдут в постели в одном из трактиров с перерезанным горлом или на большой дороге со стрелой в спине.

Меня передернуло.

– Но почему? – спросил я тихо.

Чейд вздохнул. Он сбросил семена в блюдо и слегка отряхнул руки, чтобы избавиться от тех, которые прилипли к его пальцам.

– Потому что ты бастард королевского рода и заложник собственной крови. Потому что сейчас, как я уже сказал, ты ничем не опасен Шрюду. Ты слишком молод, и, кроме того, ты все время у него на виду. Но Шрюд Проницательный смотрит в будущее. И ты тоже должен этому научиться. Времена сейчас беспокойные. Набеги островитян случаются все чаще. Люди на берегу начинают роптать. Говорят, что нам нужно больше патрульных парусников, а некоторые подумывают о собственных военных кораблях, чтобы совершать ответные набеги.

Но Внутренние герцогства не хотят платить ни за какие корабли, и особенно за военные, которые могут втянуть нас в

настоящую войну. Они утверждают, что король думает только о побережье, а их крестьяне ему совершенно безразличны. И горцы становятся более несговорчивыми, когда мы пользуемся их перевалами, так что торговые пошлины повышаются с каждым месяцем. Поэтому купцы тоже ропщут и жалуются друг другу. На юге, в Песчаных пределах и дальше, за ними, засуха и времена очень тяжелые. Там все так и сыплют проклятиями, как будто король и Верити имеют и к этому какое-то отношение.

Верити хороший товарищ, и с ним приятно распить бутылку вина, но он не такой солдат и дипломат, каким был Чивэл. Он бы скорее охотился зимой на оленя или слушал менестреля у очага, чем путешествовал по зимним дорогам в пургу только для того, чтобы не терять связи с другими герцогствами. Рано или поздно, если дела не пойдут на лад, люди начнут поговаривать: «Что ж, бастард не бастард, нечего поднимать из-за него шум. Чивэл должен прийти к власти. Он бы быстро прекратил все это. Он, может, немного зануда, но по крайней мере делает дело и не позволит чужеземцам давить нас».

– Значит, Чивэл еще может стать королем?

Этот вопрос вызвал во мне странный трепет. Мне тут же представились триумфальное возвращение моего отца в Баккип, наша возможная встреча и... что тогда?

Чейд, казалось, читал мои мысли.

– Нет, мальчик, это совершенно невероятно. Даже если бы

весь народ хотел видеть его на престоле, я сомневаюсь, что он пошел бы против собственного решения или против воли короля. Но это бы вызвало ропот и пересуды. Мог бы вспыхнуть бунт, а свободно разгуливающий по стране бастард стал бы опасен. Тебя пришлось бы уговорить, превратив в марионетку короля, его орудие, или в труп – одно из двух.

– «Орудие короля». Понимаю.

Я был совершенно подавлен услышанным. Короткое видение синего неба над желтой дорогой, по которой я еду верхом на Угольке, внезапно исчезло. Вместо этого я подумал о собаках в будках или о ястребе, который сидит, накрытый колпаком, на руке у короля и может взлететь только с высочайшего дозволения.

– Не обязательно все будет так плохо, – промолвил Чейд. – В большинстве случаев мы сами строим свою тюрьму. И так же человек создает свою свободу.

– Значит, я никогда никуда не поеду, да?

Хотя сама мысль о путешествиях раньше совсем не приходила мне в голову, теперь мне казалось, что не может быть ничего важнее.

– Этого я бы не сказал. – Чейд зашарил вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно закрыть тарелку с семенами. В конце концов он накрыл ее блюдечком. – Ты попадешь в разные места. Без лишней шумихи и лишь тогда, когда того требуют семейные интересы. Но ведь то же относится и к принципам крови. Думаешь, Чивэл мог выбирать, где заниматься

дипломатией? Думаешь, Верити нравится ездить в постра-
давшие от набега островитян города и слушать жалобы лю-
дей, что, если бы только у них были хорошие укрепления и
много солдат, ничего не случилось бы? Настоящему прин-
цу не приходится выбирать, куда он поедет и как проведет
время. У Чивэла, вероятно, сейчас свободы больше, чем ко-
гда-либо раньше.

– Но он не может вернуться в Олений замок? – осенило
меня, и от этой мысли я заледенел.

В руках у меня по-прежнему было полно осколков.

– В замок он вернуться не может. Не годится будоражить
народ визитами бывшего наследника. Лучше, чтобы он тихо
исчез.

Я бросил осколки в очаг.

– По крайней мере, он может куда-нибудь поехать, – про-
бормотал я. – А я не могу даже пойти в город.

– А это для тебя так важно? Пойти в грязный, протухший
маленький порт – такой, как город Баккип.

– Там есть люди... – я запнулся. Даже Чейд ничего не знал
о моих городских товарищах. И я очертя голову ринулся впе-
ред: – Они называют меня Новичком. И они не думают: «Вот
бастард» – каждый раз, когда смотрят на меня.

Никогда раньше я не облакал это в слова, но теперь вдруг
очень ясно понял, в чем состояла для меня привлекатель-
ность города.

– А-а, – произнес Чейд.

Плечи его шевельнулись, как будто он вздохнул, но ничего не сказал. Через мгновение он уже учил меня, как можно заставить человека захворать, просто накормив его ревенем и шпинатом одновременно, и даже убить его таким образом, если порции будут достаточно велики. При этом можно не подавать к столу ни капли яда. Я спросил, как уберечь от расстройства остальных людей за тем же столом, и наша беседа потекла по обычному руслу. Только позже я понял, что слова Чейда о Чивэле были почти пророческими.

Двумя днями позже я был удивлен, когда мне сказали, что Федврэн попросил моих услуг на день или на два. Я был удивлен еще больше, когда он дал мне список того, что ему нужно было в городе, и достаточно серебра, чтобы купить все это, и еще две лишние медные монеты, которые я мог потратить по своему усмотрению. Я затаил дыхание, ожидая, что Баррич или кто-нибудь другой из моих наставников запретит это, но вместо того мне было велено поторопиться. Я вышел из ворот с корзиной на руке, голова у меня кружилась от неожиданной свободы. Я сосчитал месяцы, прошедшие с тех пор, как мне последний раз удалось ускользнуть из замка, и пришел в ужас, обнаружив, что миновал уже год, а то и больше. Никто не сказал мне, когда я должен вернуться. Я был уверен, что смогу прихватить час или два для себя и никто ничего не узнает.

Список Федврэна был весьма обширным, и я обошел весь город. Зачем-то писарю понадобились сушеные волосы мор-

ской девы и немалое количество орехов лесника. Может быть, он использует все это, чтобы делать цветные чернила, решил я. Не найдя требуемого в обычных лавках, я отправился на базар в гавани. Там всякий, у кого было одеяло и что-нибудь для продажи, мог объявить себя купцом. Морские водоросли нашлись достаточно быстро, и я сразу выяснил, что это обычный ингредиент для приготовления тушеной рыбы. Поиски орехов заняли больше времени, потому что они поступали не из моря, а с материка и было не так много продавцов с такими товарами. Но все-таки я нашел их среди корзин с иглами дикобраза, резных деревянных бус, горок семечек и листов отбитой коры. Женщина, которая торговала всем этим, сидя на одеяле, была стара, и волосы ее с возрастом стали скорее серебряными, чем белыми или серыми. У нее был крепкий прямой нос и широкие скулы. Она принадлежала к расе одновременно и чужой, и странно мне знакомой. Мурашки пробежали у меня по спине, когда я внезапно понял, что эта женщина с гор.

– Кеппет, – сказала женщина на соседнем коврике, когда я сделал покупку.

Я взглянул на нее, думая, что она обращается к своей товарке, которой я только что заплатил, но женщина смотрела на меня.

– Кеппет, – повторила она довольно настойчиво, и я стал ломать голову, что же это может означать на ее языке.

Очевидно, это была просьба, но старуха надменно смот-

рела в сторону, и я только недоуменно пожал плечами, а потом отвернулся, запихивая орехи в корзинку. Я не сделал и дюжины шагов, когда снова услышал ее визг:

– Кеппет!

Я обернулся и увидел, что женщины дерутся. Старуха схватила младшую торговку за запястье, а та билась, пытается освободиться. Остальные торговцы вокруг встревоженно поднимались на ноги и убирали свой товар от греха подальше. Я мог бы постоять и посмотреть еще некоторое время, если бы мне на глаза не попало другое, более знакомое лицо.

– Расквашенный Нос! – воскликнул я.

Она повернулась ко мне, и на мгновение я решил, что ошибся. Год прошел с тех пор, как я в последний раз видел Молли. Как она могла так сильно измениться? Темные волосы, которые прежде были практично зачесаны за уши, теперь свободно лежали на ее плечах. И она была хорошо одета – не в камзол и широкие штаны, а в блузку и юбку. При виде ее взрослой одежды я потерял дар речи. Я мог бы повернуться и притвориться, что обращаюсь к кому-то другому, если бы не вызывающий взгляд ее темных глаз, когда она холодно спросила:

– Расквашенный Нос?

Я настаивал:

– Разве ты не Молли Расквашенный Нос?

Она подняла руку и откинула прядь волос со щеки.

– Я Молли Свечница. – Я увидел искру узнавания в ее глазах, но голос ее оставался холодным, когда она добавила: – Я не уверена, что знаю вас. Ваше имя, сударь?

Я так растерялся и смутился, что стал действовать инстинктивно. Я прощупал ее сознание, обнаружил, что она нервничает, и был удивлен этим. Мыслями и голосом я попытался успокоить ее страх.

– Я Новичок, – поспешно выпалил я.

Глаза ее удивленно расширились, а потом она рассмеялась над тем, что восприняла как шутку. Барьер между нами лопнул как мыльный пузырь, и внезапно я увидел Молли такой, какой она была раньше. Между нами вновь была та же теплота, которая больше всего напоминала мне о Востроносе. Неловкость исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.